

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Гуманитарный институт
Кафедра истории России

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

 М. Д. Северьянов
подпись

«18» июня 2018 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

46.03.01 – История

Никодим (Казанцев) – первый епископ Енисейский и Красноярский

Руководитель 18.06.18 к. и. н., доцент
подпись, дата

М.Г. Тарасов

Выпускник

 18.06.18
подпись, дата

А.Д. Юрьева

Красноярск 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. Детство и взаимоотношения с семьей Никодима (Казанцева)	9
1.1. Становление личности и родители Никодима (Казанцева)	9
1.2. Семья Никодима (Казанцева)	23
2. Образование и работа Никодима (Казанцева).	34
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	58
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	62

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в следующем 2019 году будет отмечаться четырехсотлетие столицы бывшей Енисейской губернии – города Енисейска. Уже сейчас происходит подготовка к празднованию этого события, в городе проводят реконструкцию старинных зданий, храмов для того, чтобы люди смогли увидеть красоту города XVIII-XIX веков. Так как Никодим (Казанцев) стал первым епископом Енисейским и Красноярским, то именно он внес большой вклад в развитие культуры этого города и является неотъемлемой частью истории Енисейска.

Также, из отечественной истории мы знаем, что у образованных людей прошлых веков было принято вести различные дневники, заметки, записывать все происходящее в своей жизни, вплоть до сновидений, такие записи передавались последующим поколениям. Такой традиции следовало и духовенство: священнослужители, епископы, дьяки и др., с помощью их дневников и записок мы можем воссоздать картину различных исторических событий. В современном мире большой интерес представляют работы на основе мемуаров, воспоминаний, записок.

Благодаря сохранившимся дневникам Никодма (Казанцева) можно воссоздать историю его жизни, а также жизни духовенства XIX века в целом.

Степень изученности темы. Историография по данному вопросу обширна, но подробных данных о биографии в литературе и научных изданиях нету, в основном это конкретные факты из жизни. Довольно большой интерес в изучении жизни и деятельности Никодима (Казанцева) представляется для отечественных историков, в зарубежной историографии имя Никодима почти не упоминается. В современной отечественной историографии многие исследователи изучали духовную жизнь Енисейской и Красноярской губернии и в своих работах так или иначе упоминали Никодима. Например, в работе под названием «Архиерейский дом Красноярска: вехи истории (XIX – начало XXI вв.)» Е. А. Шушканова

занимается исследованием архиерейского дома, который был построен при Никодиме, а также упоминает его епископов, в том числе и самого первого, описывает его деятельность в период епископства.

В своей работе я выделила труды современного периода, которые в той или иной мере смогли мне помочь в написании данной работы. В первую очередь, это историко-публицистическая монография «Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861–2011 гг.»¹. Эта работа основана на уникальных материалах архивов и музеев края и других регионов. Главная особенность данной монографии в том, что она сочетает строгую научную достоверность с публицистическим подходом к теме. Монография посвящена церковной истории Красноярской епархии, в том числе и Никодиму (Казанцеву), так как именно он сыграл значительную роль в становлении и развитии епархии.

Также хотелось бы выделить работу М.А. Антипова «Записки первого епископа Никодима (Казанцева), как новые источники по истории российской иерархии XIX века»², которая сочетает в себе сами исторические источники, то есть записки из дневников Никодима, а также анализ его жизни. Помимо этой работы, в своем исследовании я использовала монографию того же исследователя под названием «Предыстория создания Енисейской епархии и начало ее деятельности»³, эта работа в большей своей части посвящена периоду после становления Никодима (Казанцева) епископом. Помимо представленных работ я использовала сборник под названием «XII Красноярские краевые образовательные Рождественские чтения»⁴, в этот сборник включены статьи и доклады под председательством Высокопреосвященнейшего Пантелеимона, Митрополита Красноярского и

¹ Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861–2011 гг. Красноярск, 2011.

² Антипов М.А.. Новые источники по истории российской иерархии XIX в. (по материалам архивов) // СПб., 1997, С. 93–105.

³ Антипов М. А. Предыстория создания Енисейской епархии и начало ее деятельности (по дневникам и письмам Преосвященного Никодима (Казанцева) // Православие, Россия: размышление о прошлом, взгляд в будущее. Красноярск, 2012. С. 14–22.

⁴ XII Красноярские краевые образовательные Рождественские чтения. Красноярск, 2012.

Ачинского, одной из главных тем стали духовно-нравственное возрождение Сибири.

Цель данного исследования – проанализировать жизнь и деятельность Никодима (Казанцева) – первого епископа Енисейского и Красноярского.

Задачи исследования:

1. проанализировать ранние годы жизни Никодима (Казанцева): детство, взаимоотношения с родителями и семьей, в целом.

2. проанализировать путь к становлению Никодима (Казанцева) первым епископом Енисейским и Красноярским, изучить его образование, период преподавания в различных духовных семинариях, а также саму деятельность на посту епископа Енисейского и Красноярского.

Объектом исследования является Никодим (Казанцев).

Предмет исследования: детство, семья, школьные годы и образование, период зрелости, преподавания и становления епископом Никодима (Казанцева).

Хронологические рамки исследования: 1803–1874 гг. Они обусловлены годами жизни Никодима (Казанцева), так как в своих дневниках он вспоминает и дает характеристику прошедших событий своей жизни с самых малых лет вплоть до прошения, поданного в Синод, об увольнении его с должности Енисейского и Красноярского епископа, в связи с тем, что заболел.

Территориальные рамки исследования, в первую очередь, обусловлены местом рождения и долгим проживанием Никодима (Казанцева) в селе Комлево, Рузском уезде, Московской губернии. Именно здесь Никита впервые увидел свет Божий, здесь научился любить природу, к которой был неравнодушен всю жизнь. Также, можно говорить о том, что территориальные рамки исследования достаточно обширны, так как Никодим учился в различных духовных училищах и семинариях, это происходило в Московской губернии, также он преподавал в Туле, Новгороде и Кирове,

далее он был отправлен в Санкт-Петербург, работал ректором в Одессе, Курске и Ярославле, далее в 1854 г. был назначен викарием (то есть помощником епископа) Казанской епархии, а позднее, в 1861 г. первым епископом Енисейским и Красноярским.

Методы исследования: в своей работе я использовала метод анализа, то есть расчленение полученной информации и изучение её по отдельности для создания полной картины происходящих событий, также метод синтеза, то есть сам процесс сведения различной информации воедино, метод историзма, то есть анализ конкретного исторического явления или объекта в связи с условиями его существования, благодаря этому методу я могу рассмотреть данную тему в динамике ее изменения во времени. Также, в своей работе я использовала хронологический метод, то есть вся информация по теме представлена во временном, закономерном порядке. Мной были использованы принципы объективности и системности, то есть в своем исследовании я была беспристрастна и независима, а также тема исследования была изучена всесторонне, во взаимосвязи всех ее элементов.

Источниковая база исследования. Материалы, посвященные биографии преосвященного Никодима (Казанцева) очень обширны: это его воспоминания, записки из дневников, его письма к разным лицам и письма к нему от разных лиц, а также его ученые богословские сочинения.

«Всю жизнь свою он провел, так сказать, сознательно. Ни один шаг его жизни, ни одна его мысль не осталась не осмысленной, не обдуманной с разных сторон, не оцененной по достоинству, искренне»⁵.

Главными историческими источниками по данной теме служат записки из дневников, путевые записки, статьи – рукописи Никодима (Казанцева), так как именно с помощью воспоминаний самого человека можно более точно и подробно изучить и проанализировать конкретный период его жизни. Все эти источники, используемые мной в данной работе, находятся в

⁵ Преосвященный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский// Енисейские Епархиальные ведомости. 1888. № 20.– С. 296

Государственном архиве Красноярского края. Они представляют собой рукописные записи, в которых Никодим (Казанцев) вспоминает свои ранние годы жизни, свое обучение в различных духовных училищах, время когда он стал епископом, описывает свои путешествия, например из Красноярска в Москву, переписывается с различными деятелями, в основном это представители духовенства, например протоиерей В.Д. Касьянов. Помимо личного фонда епископа Никодима в Красноярском архиве, источники по данной теме я обнаружила в отделе редких книг в Красноярской краевой библиотеке, здесь я нашла работу «Из записок Преосвященного Никодима, епископа Енисейского и Красноярского: [мое первое житие и инспекторство в Тульской семинарии. 1830 с 12-го сентября по 15-е мая 1832 года]»⁶. Также, я использовала источник «Преосвященный Никодим, епископ Енисейский и Красноярский. Дневники 1861 г.»⁷, в этой работе записки из дневников 1861 года переведены на современный язык, что упрощает работу с источником.

Также следует выделить журнал «Енисейские епархиальные ведомости», который выпускался в Красноярске с некоторыми перерывами с 1884 по 1919 г. Публиковавшиеся в этом журнале тексты, к большому сожалению, лишь по частям или в пересказе известны современному читателю. Многочисленные исторические публикации в этом журнале по сей день не теряют своего значения, а некоторые обзоры и статьи, которые помещались в этот журнал священниками и церковными журналистами сейчас могут послужить в качестве достоверных исторических источников.

Научная новизна данного исследования заключается в систематизации взглядов по данному вопросу, в обобщении полученного материала в одну целостную работу по теме, посвященной Никодиму (Казанцеву) – первому Красноярскому и Енисейскому епископу, так как еще нет единого труда, который бы был посвящен биографии Никодима (Казанцева) и подробно изучал всю жизнь епископа, его отношения с

⁶ Из записок Преосвященного Никодима, епископа Енисейского и Красноярского. Тула, 1911.

⁷ Преосвященный Никодим, епископ Енисейский и Красноярский. Дневники 1861 г. Красноярск, 1997.

близкими и дальними родственниками, влияние их на судьбу и личные качества епископа, его образование и путь по которому он пришел в епископы.

Практическая значимость работы: предоставленное исследование может использоваться всеми заинтересованными лицами в изучении истории русского православия: повседневной жизни духовенства, церкви, патриаршества, Красноярской епархии, а также биографии и жизни первого Енисейского и Красноярского епископа.

1. Детство и взаимоотношения с семьей Никодима (Казанцева)

1.1. Становление личности и родители Никодима (Казанцева)

Преосвященный Никодим, во святом крещении назван Никитою, в миру известный как Никита Иванович Казанцев, родился 5 сентября 1803 г. в селе Комлеве – Знаменском Рузского уезда Московской губернии.

Он вел записки с целью постоянно следить и наблюдать за собой. В 1871 г. священник пишет: «Дал бы Бог через сии мои записки, в коих много событий и много мнений моих записано, принести пользу тому, кто будет читать их»⁸.

Горячая молитва к Богу была великим утешением для преосвященного Никодима всю его жизнь с малых лет до самой смерти, еще с учебной скамьи Никодим отличался трепетным отношением к Библии: он с юности имел привычку читать Священное Писание каждый день, прочитав ее от начала до конца, он начинал читать ее заново, так было до самой его смерти. Он не прекращал чтения Библии даже в дороге, а путешествовал он довольно часто, так например, во время своего путешествия из Красноярска в Москву епископ пишет следующее: «Пока запрягают лошадей и укладываются, я, оставаясь праздным обыкновенно читаю Новый Завет и Псалтырь. Ту и другую книгу я прочитал, а Псалтырь, кажется, трижды. Слава тебе Господи! Сим я удалял скуку, отгонял уныние и наполнял душу высокими и святыми чувствованиями. Мне, болезненному и грешному, сие нужно, нужно!»⁹. Причина того почему Никодим начал так страстно читать и увлекаться Библией это сон, который приснился ему еще в юношестве.

«Знаменателен сон, увиденный тогда еще Никитой Казанцевым, воспитанником высшего отделения семинарии: Я спал; ночь была месячная. Вижу: растворяется дверь, входит старец с длинной седой бородой, в белой

⁸ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 167. Л. 31.

⁹ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 167. Л. 23.

длинной рубашке, – старец лепообразный. Подойдя ко мне, он меня толкнул слегка в бок. Я проснулся. – «Ты спишь, сказал он, и беспечен. А какие страшные происшествия на земле! Люди в возбуждении мнутя, пороки умножились до безмерности, вопль их слышится на небесах. Скоро зашумят сильнее; прольются реки крови. Ты много увидишь сам и будешь не зрителем только; но тебе надобно будет действовать и спасать. Ныне война на церковь, и – она будет жестока! А ты спишь и беспечен!» Я ужаснулся от сих речей, смиренно их выслушивая. Потом спросил меня старец: «Что у тебя за книги на окне? – я ему их пересчитал. – Подай мне Библию» – сказал он. Я подал. Старец разогнул книгу и дал мне читать. Прочел с полглавы. Чудные глаголы! Какая выпренность необъятная премудрость! Мне казалось, что я поднялся над землею и над всем человеческим столько, что мне казалось земля за маленький шар, а люди, как пылинки. Я смеялся над делами человеческими: их заботы, крушения, замыслы, начинания, дела казались меньше детской игры, сущими пустяками... Я был в блаженном утешении... – Старец потребовал от меня Библию обратно. Мне жаль было ее отдать, однако не смел противиться. Я старался заметить лист, на котором написаны прочитанные мною глаголы Божии. Помнится, будто 8-я и 9-я главы Притчей и Екклесиаста. Однако совершенно не припомню. Видение кончилось. Книги точно лежали на окне передо мною и между ними Библия. Пробуждение было сладкое. Душа трепетала какою-то небесною радостью ... Такое видение впечатлело в душе моей благоговение к Святому Писанию, которое, по милости Божией, и доселе остается со мной»¹⁰.

Большое влияние на жизнь и деятельность епископа оказал Московский святитель митрополит Филарет (Дроздов). Свои воспоминания о взаимоотношениях с московским святителем и свое отношение к нему Никодим отразил в составленном им труде «О Филарете, митрополите Московском, моя память». Он выражает к московскому святителю свою

¹⁰ Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861–2011 гг. Красноярск, 2011. С. 82.

любовь и благодарность за его участливое внимание к своей судьбе. Даже случаи гнева Филарета на Никодима он объясняет отеческой жалостью его к себе.

Также, в большей степени на личность и характер Никодима оказали влияние его родители и семья. Отец его был дьячком, звали его Иван Иванович Казанцев, а мать его Прасковья Борисовна Казанцева – они были люди простые, религиозные и крайне бедные, приниженные. Бедность своих родителей Никита чувствовал с самого раннего детства. В 1810 или 1811 г. родители отдали сына в Звенигородское духовное училище при Саввинском монастыре. Учась в духовном училище, он много терпел от сокавартиранта – ученика (его родственника). Объясняя, почему тогда он не жаловался своим родителям на свою жизнь, он объяснял это так: «Я думал, что меня не защитят и родители только пуще разлюбят обидчика. Мои родители были бедные и между родными презираемые люди: я это видел¹¹».

Никодим говорил, что его родители были уничиженные, оскорбленные, униженные и умаленные люди, даже по мнению крестьян – прихожан. А когда Никодим был студентом Московской академии, его пригласила на лето учить своих детей помещица села Комлева, Анна Александровна Меншикова. Этот факт наделал в деревне, где проживала семья Казанцевых, большого шума. «Никита Казанцев пишет: «Мои родители, точно воскресли, и крестьяне, ради меня, стали весьма почитать и моих родителей»¹². До чего родители Никиты были робки и боязливы видно из следующего факта, отчасти показывающего отношение к ним Комлевского священника. В своих дневниках Никодим пишет: «У нас в доме случилось страшное происшествие, позвал батюшка дворового человека свинью колоть, а тот по неосторожности, тяжело себя ранил, побежали к священнику и к приказчику, чтобы объявить им и не быть в беде. Священник (Упокой его господи!) был

¹¹ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 152. Л. 22.

¹² Преосвященный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский// Енисейские Епархиальные ведомости. 1889. № 5. С.95.

на нас ужасно зол, однако пришел, исповедовал несчастного и причастил. Слава Богу он еще мог выговорить, что умирает от своей неосторожности. Если бы умер Козлов (дворовый человек), батюшке не обойтись бы без скорбей, и, может быть, его засудили бы, как злонамеренного убийцу. Священник не пощадил бы»¹³. Впрочем, в других записях Никодим вспоминал об этом священнике с большим уважением.

Происхождению своему из бедной дьяческой семьи сам преосвященный Никодим придавал большое значение в деле образования собственного характера. Он сравнивал себя с другим епископом, преосвященным Тобольским Варлаамом. В своих дорожных заметках 1870 года, он писал: «Он – сын протоиерея. Важность, следовательно, ему врождена, как мне, сыну причетника – мизерность»¹⁴. Никодим всегда называл себя «мужиковатым», по сравнению с другими архиереями и простоту своей жизни объяснил именно своим происхождением. Живя в бедной семье, окруженный горестями и печалью своих бедных родителей, Никодим привык сочувствовать всем бедным, униженным, обиженным и несчастным людям, он всегда смотрел на них как на людей равных и никогда ни в чем не упрекал и не пытался принизить их значимость. Поэтому, совсем не удивительно, что многие низшие люди очень любили его, он всегда им пытался хоть как-то помочь и поддержать, всегда проявлял сочувствие и заботу к нищим и бедным. «В Красноярске рассказывали, что он просил присылать ему как можно больше мелочи в жалованье: она была ему нужна, чтобы раздавать нищим. Епископ ни разу не отказывал просителям из-за несоблюдения ими формальных требований. В таких случаях он рекомендовал Консistorии научить просителей (зачастую крестьян), как и что нужно правильно сделать. Милосердие и доброта были присущи его личности, проявляясь во всей его пастырской деятельности»¹⁵. Также в

¹³ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 151. Л. 12.

¹⁴ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 152. Л. 64.

¹⁵ Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861–2011 гг. Красноярск, 2011. С. 80.

своих воспоминаниях о временах, когда он был ректором Курской семинарии, Никодим написал такую фразу, по поводу строгого, холодного отношения к нему Курского преосвященного: «Сверху – меня не любят, а с нижними я всегда хорош, здесь меня любят»¹⁶. Он умел входить в положение несчастных людей, например вдов и сирот, по отношению к ним он был крайне деликатен. «По делу об опеке над имуществом умершего священника Т., Енисейской епархии, В. К <...> ва, преосвященный Никодим написал на журнале Енисейской консистории следующую резолюцию, относя содержание ее к донесению местного священника по делу о наследстве имущества после упомянутого выше священника: «По сей статье рекомендую: 1) Не слишком сурово и повелительно обращаться со вдовами и сиротами, при случаях опеки над имуществом их: ибо это их, а не наше имущество, а мы только оберегатели оно и им наставники и помощники; 2) Не производить никаких распоряжений без ведома и согласия на то старшего лица в наследниках, например вдовы, потому что она ближе знает, что можно и что полезно для сирот; 3) Помнить, что у вдовы есть дети, на содержание коих необходимы расходы, и затем основательно рассудить: может ли она, и откуда именно, получать возможность содержать их, не касаясь оставленного капитала? 4) Допрашивать вдову о том, что не было объявлено в свое время, я считаю для нее обидным, и мы, кажется, в этом превысим наше право и власть. Пусть, если ей самой будет угодно предложат ей вежливо и принуждений, чтобы она сама согласилась объяснить это»¹⁷. Из этого письма четко видно, что здесь на первом месте для Никодима сама вдова, понимание того, что она любящая мать, что у нее есть дети, о которых нужно заботиться и содержать, он смотрит на эту ситуацию с позиции обычного человека, пытается выяснить как лучше будет семье и обеспечить им лучшее будущее, ведь если в деле о наследстве умершего священника

¹⁶ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 148. Л. 128.

¹⁷ Преосвященный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский// Енисейские Епархиальные ведомости. 1889. № 5. С. 97.

наследством распорядились бы не в пользу вдовы и ее детей, то скорее всего им бы пришлось крайне тяжело, и Никодим это прекрасно понимает.

О младенческой своей жизни, до поступления в духовное училище Никодим пишет очень мало в своих воспоминаниях. Из рукописей видно, что детские годы в родном доме оставили самые приятные и светлые воспоминания у Никиты. Родители, конечно, учили Никиту просто: любили, лелеяли, учили уважать и любить то, что сами искренне любили и уважали. Никодим упоминает, со слов его матушки: «Я был здоров телом, очень красив, крайне застенчив. Меня любили господа, брали к себе, но я этого не помню»¹⁸.

Милосердным и добрым человеком Никодим был с самого детства, так его воспитали, в юности в 1829 году Никита в своем академическом дневнике пишет: «Вечером был разговор о суеверии народном. Я щадил его, хотел кроткими мерами, с любовью христианской потреблять его и насаждать на место его чистое учение Христово. Земля, говорил я, добрая, угоджена; трудов не много; выполоть плевелы, и благословясь, начинать сеять пшеницу. Мне, напротив, предлагали меры строгие, полицию, бичи, плети, кнуты! Боже мой! Нет! Я лучше хочу быть милосердным до слабости, нежели правосудным до жестокости! Господи! Кажется, я мыслю хорошо. Утверди убо мысль сию во мне, если она Твоя; но исторгни ее с корнем, если чья-нибудь чужая! Нет! Я верю, она Твоя! Хвалится милость на суде»¹⁹.

Никодим не просто не стыдился своего происхождения, он наоборот им гордился, он также очень сильно любил свою семью, особенно свою матушку, горячо был привязан к своей родине, всегда о ней вспоминал. Например, 26 июля 1845 года Никодим пишет в своем дневнике о теплом отношении к матери, о своей родине, о том как скучает по ней: «Именинница матушка моя, Прасковья Борисовна. Да благословит ее Господь! В память ее Ангела я служил. Был бодр, как редко, и отчасти, по милости Божей, умилен.

¹⁸ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 148. Л. 131.

¹⁹ Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861 – 2011 гг. Красноярск, 2011. С. 80.

Мысленно я весь день был на моей блаженной родине»²⁰. За день до этой записи Никита был пострижен в монашество.

Отец Никодима был человеком малообразованным. В семь лет он был отдан в Волоколамское духовное училище, но не проучившись там и года, мать забрала его и определила в дьячки, так как в это время отец Ивана Ивановича был отобран в солдаты и его семья осталась без хлеба. Десять лет отец Никодима служил дьяконом в городе Рузь, после чего переехал в Комлево, где жил до самой смерти. Никодим так писал о своем отце: «Он был лучшим дьячком, он был совершенно трезв, грамотен, круг церковный знал хорошо, петь был мастер. К тому же – был кроток»²¹. В молодости Иван Иванович часто ругался со своей женой Прасковьей, но как отмечает сам Никодим, это было еще до его рождения, при нем же он не помнит ни разу, чтобы родители бранились, по характеру отец Никиты был очень спокойным, покладистым и добрым человеком. Также в своих дневниках Никодим пишет и о детстве своей матери: «В детстве она была кротка и послушна, имела подруг, с которыми любила строить из песка монастыри. Вышла замуж в самых нежных летах – 15 или 16 лет; вышла замуж по не воле, думая что не имеет права отказаться от брака»²². Также, Прасковья Борисовна имела склонности к аскетизму, то есть к крайне строгому образу жизни, отказываясь от каких-либо удовольствий, она любила посещать монастыри и святые места, Никодим рассказывает, что когда он будучи младенцем заболел, его мать дала обет сходить с ребенком пешком до Можайского монастыря и там помолиться перед образом святителя Николая, после этого путешествия ребенок действительно выздоровел. Прасковья ходила даже в Киев по обету, так как у ее дочери Марьи вырос горб, однако его удалось вылечить с помощью различных мазей. Прасковья Борисовна очень хотела, чтобы ее младшая дочь Марья пошла в монастырь, не выбирая судьбу

²⁰ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 148. Л. 153.

²¹ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 148. Л. 154.

²² ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 148. Л. 158.

старших дочерей – Авдотьи и Александры, и так как Марья не имела права высказать недовольство идеей матушки, ей пришлось согласиться. И только Никодим, видя недовольство сестры, смог поговорить с матерью, чтобы убедить ее не отдавать дочь в монастырь. Исходя из этого, можно сделать вывод, что мать Никиты играла очень большую роль в жизни своих детей, она их воспитывала в строгости, в любви к Богу, в уважении к родителям. Никодим так описывает свою мать: «Она была благочестивая женщина, примерная мать и целомудренная в строжайшем смысле. Матушка бойче и рассудительнее батюшки гораздо, оттого она всегда его учит, управляет домом»²³. Всего детей в семье Казанцевых было пятеро, три дочери, упомянутые выше, сам Никодим и еще один сын Михаил. Самой любимой сестрой у Никодима была Александра, с младшим братом Никита некоторое время учился вместе в духовном училище, а потом и в Вифанской духовной семинарии, в которую он поступил в 1818 г. Наибольшее влияние на детей оказывала мать, все дети Ивана и Прасковьи были глубоко религиозны, почитали родителей, любили их и повиновались во всем, были добры, благожелательны, воспитаны. О своей сестре Авдотье Никодим писал так: «Она была очень богомольна, бывало молится больше часу пред церковью на стуже всякий день»²⁴, а о брате священнике писал следующее: «Обижать никого не любит, совершенно послушен начальству, и в служение благоговен»²⁵.

Как было уже видно из нескольких примеров, Никодим очень сильно уважал и почитал своих родителей. В своих дневниках четко видно заботу епископа о матери, здесь он пишет о том, как его мать добралась до Комлево, после того как благополучно погостила у него в Санкт-Петербурге в 1840 году: «Матушка приехала домой благополучно 1 февраля вечером, в 9 часов.

²³ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 148. Л. 161.

²⁴ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 148. Л.162.

²⁵ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 148. Л.162.

Вчера получил письмо от бабушки. Благодарят и величают. Счастлив я своими родителями: таких мало вижу. Я рад, что послужил матушке здесь»²⁶.

Привязанность Никодима к родительскому дому, к своей родине, как и привязанность самих родителей прослеживается в некоторых записях дневника, где Никодим пишет о встречах с родителями уже после того, как он переехал из Комлева. Например, в 1841 г. Никодим приезжает в родное село, в его записях мы видим следующие строки: « Я любовался своею благословенною родиной: не верил глазам своим. Все село выбежало ко мне на встречу, и с живым участием смотрело на меня...Вхожу в дом: на пороге встречает меня бабушка с хлебом и солью; вхожу в дом: бабушка запел, обливаясь слезами: «Днесь благодать Святого Духа нас собрала» и прочее, я не мог не плакать. Мне сочувствовали многие. Такие сцены мудрено предавать: их надо чувствовать. Любуясь местами счастливой родины, я обошел все вокруг, ходил к реке, обошел церковь и ограду. Все напоминало мне лета юности, даже детства; утешение истинно райское»²⁷. Привязанность родителей Никодима особенно подтверждает следующий факт – описывая свое прощание с родителями, Никодим писал: «Когда помолились, я стал прощаться с родителями, матушка взвыла, по деревенскому обычаю. Ее слезы и причитанья разбили мое сердце: я пролился в слезах. Никак не могу удержаться. Бабушка благословил меня образом Знамени Пресвятой Богородицы, а матушка, по желанию моему, вместо дедушкиного (Бориса Гавриловича) благословения, благословила меня другим (образом), но также святых трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста».²⁸

Когда Никодим жил в Санкт-Петербурге, он хотел ходатайствовать перед митрополитом Московским Филаретом о возведении его отца – Ивана Ивановича в сан диакона. В дневнике Никодим пишет: «Завтра собираюсь к

²⁶ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 148. Л.168.

²⁷ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 148. Л.169.

²⁸ Преподобный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский// Енисейские Епархиальные ведомости. 1889. № 5. С. 99.

Московскому митрополиту (Филарету); хочу просить о батюшке, не позволит ли его приискывать диаконское место. Дал бы Господь мне утешить сим моего родителя в его преклонных летах»²⁹. Однако, он не решился побеспокоить Владыку, Никодим пишет, что не был принят митрополитом, потому что опоздал: «А я хотел просить его о батюшке, не позволит ли ему приискывать диаконское место. Несколько раз пытался просить о сем Владыку, – не удастся. Ужели нет Божей воли? Не скажу теперь: а вот попробую попросить и тогда скажу», но он так и не попросил, последний раз Никодим упоминает свое желание порадовать, утешить батюшку 31 января 1941 г., в этот день он был у митрополита. «Хотел было я просить Владыку о батюшке, чтоб удостоить его диаконского сана, но не осмелился»³⁰. Так, Иван Иванович прожил до конца своей жизни в качестве дьячка, последние свидание Никодима с отцом было в 1841 г., во время путешествия Никодима из Петербурга в Одессу. Описание этой встречи в своих путевых записках, показывает отношения между сыном и его родителем, заметно удивление Никодима по поводу старости своего отца: «Стало видно нашу церковь и утешительные окрестности моей родины. Я был в восхищении. Осталась одна верста, и я увидел впереди нас идущего нам навстречу сгорбленного старца: это мой батюшка Иван Иванович. Я соскочил с повозки; поклонился батюшке до земли, поцеловались. Я удивился: батюшка уже в полном смысле старец, во рту мало зубов. Удивительно, как враг завидует нашему счастью! Батюшка в этот день ходил в Рузу и потерял там или дорогою 75 рублей ассигнациями. Потеря, точно, чувствительная и не для его бы кармана. Я понял искушение; сказал батюшке: «Успокойтесь, я их вам возвращу»³¹. Никодим всячески пытался помочь чем может и порадовать батюшку, утешить его. Первым делом, после приезда на родину он отпел панихиду за своих родственников, в особенности за родителей батюшки, после вышел на

²⁹ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 149. Л. 21.

³⁰ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 149. Л. 23.

³¹ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 152. Л. 18.

литу (православное богослужение, совершаемое в притворе храма) на могилу бабушки Анны Матвеевны (матери отца). «Для батюшки это было удивительно приятно. Он на могиле весьма чувствительно проплакал»³².

16 марта 1845 г. Никодим (в то время ректор Одесской семинарии) получил от брата письмо, в котором тот извещал, что батюшка опасно заболел. По этому поводу Никодим делает запись в своем дневнике: «Неужели я не увижу моего батюшку? Полагаю, ему 75 лет. Горько будет, если я его потеряю»³³.

«Умиравший Иван Иванович позаботился об обеспечении сироты – своей внучки. «По воле батюшки, пишет Никодим, брат приискывает человека для занятия батюшкиного места, с тем, чтобы взял его внучку Дарью. Это прекрасно! Пусть батюшкино место займется родным, рассуждает Никодим»³⁴. После Никодим получает горькое письмо с известием о том, что его отец скончался, письмо было написано со слов матери Никодима Прасковьи Борисовны и от ее лица зятем священником Георгием Добронравовым. Это письмо наполнено болью и отчаянием. В нем Прасковья просит Никодима помолиться за душу отца, она рассказывает что произошло с Иваном Ивановичем, отсюда можно узнать, что он простудился по дороге из Вихорева, заблудился и увяз в снегу. Его лечили всякими способами, но ничего не вышло и на 20 день болезни отец Никодима умер. Также в письме сказано, что с отцом успел попрощаться лишь сын Михаил, а остальные не смогли приехать, от чего сильно скорбят и жалеют. После смерти мужа Прасковья Борисовна решила поселиться в монастыре, основанном после 1812 на Бородинских полях. Никодим пишет: «Матушка всю жизнь свою была очень далека от всяких мирских удовольствий, овдовевши же решила отойти в монастырь, чтоб там кончить жизнь. Она меня, однако, об этом спрашивала предварительно. Зная характер и

³² ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 151. Л. 31.

³³ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 151. Л. 32

³⁴ Пресвященный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский// Енисейские Епархиальные ведомости. 1889. № 7-8. С. 130.

чувствительность матушки, я ей вовсе не советовал идти в монастырь и предлагал а) или остаться на старом месте при дочери и внуке; в таком случае я обещал ей построить особую горенку; б) или перейти жить к брату в город Бронницы. Однако, свою речь я писал не решительно, а предлагал, как легкий совет на ее рассуждение, совокупно с родственниками, но вместе с тем матушку крепко уговаривала поступить в ее монастырь игуменья (настоятельница) монастыря, Мария Михайловна Тучкова. Эта благочестивая и знатная дама лет 15 покровительствовала всему нашему роду и матушку знала издавна. И по сему обстоятельству я не смел писать разсоветование матушки, крепко совестился огорчить игуменью»³⁵.

Но по итогу мать Никодима не прожила в монастыре немного больше года и, едва живая, от бесчисленных скорбей, страданий и душевного беспокойства переехала к брату. О своей жизни в монастыре Прасковья Борисовна писала своему сыну Никодиму, жалуясь на разные огорчения и скорби. Эти письма характеризуют отношения между Никодимом и его матушкой, из них видно, насколько Прасковья Борисовна любила и уважала своего сына, даже больше – видно насколько она благоговела перед его саном архимандрита, и, конечно, видно как сын заботился о ней. В письмах мать обращается к Никодиму как «Ваше Высокопреподобие, Отец ректор», она поздравляла его, в ее словах видна не только любовь к сыну, но и глубокое уважение к нему и почитание: « С истинным материнским чувством, нежностью и беспредельной любовью имею честь поздравить Вас, моего истинного отца, покровителя и питателя с прошедшим Великим праздником Рождества Иисуса Христа, Богоявлением и настоящим новым годом! Всегда немолчно прошу и молю Господа Бога и Царицу Небесную, да ниспошлет на Вас благодать свою святую, укрепляющее Ваше телесное здравие и душевные силы – и при нерушимом Вашем спокойствии – да

³⁵ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 151. Л. 43.

продлит Вашу дражайшую для нас жизнь на многая лета»³⁶. Также мать описывает, как ей жилось в монастыре, пишет, что ей дали хорошую комнату, прислуга там добрая, но потом в ту комнату поселили генеральшу Потемкину, а Прасковье сменили и комнату, и прислугу, которая, как она пишет: «Начала пренебрегать и брезговать мною», об этом она пожаловалась, но и другая прислуга не смогла успокоить ее душу, она все также страдала, не могла успокоиться и перестать мучить себя скорбью: «Так рыдаю и слезю, что все чувства онемеют и при смерти сделаюсь больна. Одно и последнее избрала себе: усердно, слезно и всепокорнейше просить Вас, не благословите ли Вы меня – выйти из монастыря и жить у сына Михаила Ивановича, которого упрошу сделать мезонин над домом, а Вы, батюшка, помогите ему, – и тем я успокоюсь, и последние мои дни доживу у сына и умру на руках его, а в монастырь никто, при болезнях моих, усердно не походит за мною, а тем более сократят уже до конца мою жизнь!»³⁷.

В 1847 г. Никодим (уже тогда ректор Курской духовной семинарии в Белгороде) по просьбе своей матушки, ездил для свидания с ней в город Бронницы, где она жила у своего младшего сына священника Михаила. После стольких лет, встреча с матерью наконец состоялась и прошла крайне трогательно, радостно и даже неожиданно. Никодим в своих записях с восторгом и теплотой пишет об этой встрече: «Чтобы не испугать матушку своим нечаянным приездом, я еще девятого числа июля месяца писал брату из Белгорода, в коим извещал, что восемнадцатого я выезжаю и уже двадцать шестого буду в Бронницах. Я не сомневался, что брат уже получил письмо... Следовательно, я, как уже жданный гость, поспешно побежал в дом, чтоб скорее увидеть матушку. Но я жестоко ошибся. Письмо мое не получено... Матушка от восторга и умиления задыхается. У нее ослабли ноги, она падает. Я держу ее, творю молитву, боюсь не удушить бы ее

³⁶ Преосвященный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский//Енисейские Епархиальные ведомости. 1889. № 11.С. 193.

³⁷ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 151. Л. 56.

неожиданной радостью, насилу отдышала матушка. Эта сцена трогательна, таких на земле не много. Мне некогда было измерять и весить своих чувствования, – я был в раю. Вскоре все поднялось на ноги. Малые дети вереницею (их было шесть) подходили ко мне, я всматриваюсь: они никогда не видывали меня. Скоро пришел брат. Наша радость была полная, чистая, прекрасная! Взаимные вопросы сыпались градом, – не успевали друг другу отвечать. Через час и два освоились между собой. радость потекла тихою рекой, пошли речи длинные, широкие»³⁸.

Спустя некоторое время Никодиму пришлось уезжать из Бронниц. Он с такой нежностью и трепетом говорит о своей матери, о прощании с ней, о том, как тяжело ей его отпускать, что она могла бы посадить его как птичку в клетку, все время смотреть на него, лишь бы он был всегда рядом. «Так нежны матери! Я был в сладко – грустном чувстве»³⁹.

³⁸ Преосвященный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский//Енисейские Епархиальные ведомости.1889. № 5. С. 100.

³⁹ Преосвященный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский//Енисейские Епархиальные ведомости. 1889. № 5. С. 101.

1.2. Семья Никодима (Казанцева)

У преосвященного Никодима было много родни. В одной из своих рукописных книг, в которой он описал свою поездку в 1841 г. из Санкт-Петербурга в Одессу, Никодим подробно описывает всех своих родственников, начиная с дедушек. Так как их взгляды, жизненный опыт, воспитание, несомненно, влияли еще в детстве на склад мыслей, миропонимание, развитие Никиты, то очень важно рассмотреть, проанализировать и дать характеристику некоторым из них, кто оказал особенно сильное влияние на жизнь Никодима и его родителей.

Характеризуя и описывая в отдельности каждого родственника, Никодим не скрывает и негативных, дурных сторон их жизни, критикует их, однако все же находит много положительного. Вот общее рассуждение Никодима о семье: «Вот весь мой род. Правда, есть все и худое, и хорошее, но я благодарю Бога, что гораздо больше хороших, нежели дурных, и самые дурные имеют много качеств отличных. В сем описании я никого не щадил: говорил сущую правду, по моему наблюдению. Надобно сказать, что столь счастливого рода я мало слыхивал и не видывал. Особенно наших родителей Бог наградил хорошими детьми. мы все до сих пор благоговеем перед родителями. Между собой мы совершенно дружелюбны: готовы всем жертвовать для родного. Меня, брат и сестры почитают свыше брата: я их люблю полною душою. Да продлит Господь милость свою над нами! И то воображаю: батюшка мой – бедный дьячок, но его дети: я – архимандрит и ректор, брат Михаил Иванович – в прекрасном месте и почетный священник, две сестры за хорошими священниками, одна старшая сестра Авдотья – вдова, и будто жалко, но ее дочь уже за священником и в нашем родном селе, она не будет бедствовать. Слава тебе, Господи!»⁴⁰. Из этих слов четко

⁴⁰ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 152. Л. 44.

прослеживается, то что все дети семьи Казанцевых крайне дружны, беспокоятся друг за друга, а так же почти у всех прекрасно сложилась жизнь.

Дед Никодима по батюшке был диаконом в городе Рузь: «Его уважали за его прекрасный басистый голос, за отличное умение петь и за красивую наружность. Но с ним случилось несчастье, он ездил зачем-то в Можайск, и, к сожалению, там купил бочонок вина. Тогда были также как и ныне (т.е в 40- х годах) откупы. Он был схвачен с бочонком на черте, разделяющей рузский откуп от можайского, и за сию вино отдан был в солдаты, и с тех пор о нем не было слуху, он потерялся для родни»⁴¹. Никодим никогда не видел его, не знал его лично, только по рассказам от родни. Бабушка Никодима по отцовской линии, после катастрофы, случившейся с ее мужем, жила у своего сына дьячка Ивана Ивановича, сначала в Рузе, а с 1802 г. в Комлеве, умерла она в 1812 г.. Матушка Никодима считала ее суровой свекровью, так как в начале отношений у Прасковьи Борисовны и Ивана Ивановича были некоторые разногласия и ссоры, где муж мог поднять руку на жену, о чем уже говорилось, то тогда мать Ивана не вразумляла сына, а наоборот еще больше возбуждала его против жены. Потому Никодим упоминал, что молодые годы матушки прошли не очень спокойно, именно это отразилось на ее характере, она часто была грустна и чувствительна до слез, любимые песни у нее были жалобные и трагические, эти песни навсегда врезались в память Никодима. Но суровой и недоброжелательной запомнила ее мать, а в памяти маленького Никиты, которую он знал, бабушка запомнилась совсем в другом свете. Вот что вспоминает Никодим о своей бабушке: « Моя матушка жестоко жаловалась на сию бабушку, когда матушка жила в их доме (в Рузе) бабушка подталкивала батюшку, чтоб он ее бил. Но я уже помню только в Комлеве бабушку в последние ее дни: в то время бабушка сама терпела огорчения от матушки, так что мне было ее жаль. Я старался ей по ребячески кое-чем угодить, и за то бабушка меня весьма любила, так что перед

⁴¹ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 152. Л. 45.

кончиною завещала батюшке, чтоб он отдал лучшую ее шубу мне. Тогда бабушка была очень древняя, она скончалась лет почти в восемьдесят. Она мне рассказывала о моровой язве и о комете. Любила ходить ко святой Службе, желала себе смерти и о том молилась»⁴².

Рода дедушки в Рузе не существовало во времена даже детства Никодима, а род бабушки он помнит: это были мещане и купцы в городе Рузь, о них Никодим замечает лишь то, что они почитались честнейшими в своем городе. Впрочем, эти родственники не имели сильно большого отношения к семье Казанцевых, – другое дело – род дедушки по материнской линии.

Особенное значение для семьи Казанцевых имел дедушка (по матери) преосвященного Никодима, его звали Борис Гаврилович, он не учился в школах, был посвящен в священники к Покровской церкви города Рузы из дьячков. Этот дедушка умер в 1824 г., когда Никита Казанцев учился в Вифанской духовной семинарии. Родители его были бедные: отец был пономарем, Борис Гаврилович сначала был тут же дьячком, затем «захотел себе поискать священства», вот как это происходило: «Он явился в Рузу. Здесь при Покровской церкви не было священника. Он пришел в церковь, пел, читал, и очень понравился лучшим прихожанам и воеводе. ему дали заручную (приговор), и он был посвящен к сей церкви»⁴³. Это было примерно между 1770 и 1776 гг. Борис Гаврилович сорок лет священствовал на одном месте, он, по словам преосвященного Никодима, «был отлично уважаем в Рузе за его назидательное поведение, совершенную трезвость, бескорыстие, правосудие и благочестие». Лучшие рузские жители были его духовными детьми. Хоть он и был неучен, но зато от природы имел пронизательный ум, твердый характер, любил и уважал правду, был милостив и самый настоящий патриарх в своем роде. Лет тридцать он был вторым присутствующим в духовном правлении. «За свое бескорыстие и неумолимое правосудие не был

⁴² ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 152. Л. 45–46.

⁴³ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 152. Л. 46.

любим корыстолюбивыми людьми»⁴⁴. Он был весьма строгих правил, не мог терпеть бездельничества, так же очень интересное его качество отмечает Никодим в своих дневниках: «Он весьма уважал права старшинства и первородства в детях» Он например, желал сдать свое место»⁴⁵. Так, например, он хотел отдать свое место старшей сестре Никодима, Александре, но так как старший сын его, Матвей Борисович, просил это место для своего сына, то он передал место внуку, отказавшись пристроить внуку, которую сильно любил, Никодим писал: «Сколько не усиливалась моя матушка умолить своего родителя за свою дочь, сколь не убеждали в том же дедушку горожане, сколь не желал сего сам дедушка, сколько не опасался будущих огорчений для себя от детей Матвея Борисовича, но поступил иначе, уважая права первородства. – «Как я откажу – говорил он – старшему сыну, и отдам свое место дочери? Это незаконно»⁴⁶.

Он был до того по-домостроевски строг к молодым людям и девицам, что считал непозволительным даже беседу молодого человека с молодой девушкой, он говорил: «Это огонь и хворост, надобно, чтобы они были всегда дальше друг от друга»⁴⁷. Также Никодим пишет о благотворительности дедушки и о милостях его к семейству Казанцевых вообще: «Он был великий благодетель в нашем роде. Все, не только дети, даже и внучата его им поставлены на ноги. Без него мы растерялись бы. И я очень много пользовался милостями его, даже я едва ли кончил бы свое учение, если бы он не помогал моим родителям»⁴⁸.

Супруга Бориса Гавриловича – Анна Ивановна (бабушка Никодима) дочь священника, в молодости была красавица, Никодим считал, что она весьма из редких женщин, предобрая и прещедрая. Была милостлива, кормила и помогала нищим. Анна Ивановна была слишком жива и любила

⁴⁴ Преосвященный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский// Енисейские Епархиальные ведомости.1889. № 12. С. 214

⁴⁵ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 152. Л. 48.

⁴⁶ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 152. Л. 51.

⁴⁷ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 152. Л. 51.

⁴⁸ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 152. Л. 52.

поговорить, Никодим пишет: «Огорченные неверными супругами или другими скорбями, русские женщины искали себе советницы и утешительницы в Анне Ивановне»⁴⁹. Предпринимая какое-нибудь важное решение, дедушка не любил ее безвременного вмешательства и, поступая в духе «Домостроя» обычно устранял Анну Ивановну от участия в обсуждении и принятии решения, касаясь данного дела, когда он говорил с каким-то важным человеком, он обычно говорил: «Анна, выдь вон на минуту!», ей было тяжело принимать это, однако она смирилась со своим положением, тем более что они вообще жили душа в душу. Бабушка Анна Ивановна умерла раньше своего супруга, в 1817 или 1818 г., когда Никодим (тогда еще Никита Казанцев) учился в высшем отделении духовного училища при Саввинском монастыре. Никодим вспоминает: «Примечательна ее кончина. Она умерла в самое Светлое Воскресенье. На страстной неделе она говела (постилась) и причащалась. В день Пасхи она благополучно стояла заутреню (ранняя церковная служба в праздники), после занималась хозяйством. Потом пошла к обеду. В конце обедни, именно когда священник говорит: «Всегда, ныне и присно» – с бабушкой случился удар: она упала и лежала почти бездыханно. Дедушка, кончив литургию, и разоблачась, подошел к ней, но не нашел ни одной бьющейся жилки и просил тихонько отнести ее в дом. Бабушка в дома пришла в чувство, но уже лежала в постели. В этот день, по обыкновению, дедушке надобно было ходить с крестом по господам. Он несколько раз посылал дьячков навеститься о здоровье бабушки, приходил и сам, и видел, что она только слаба – и ничего более. Наконец прошла вечерня: дедушка отслужил ее, пришел домой, покушал. бабушка с ним ласково говорила, успокаивала его, что она не чувствует никакой болезни, кроме слабости (от великого поста, неспанья и трудов, а также и по летам и слабому сложению). Дедушка, как будто предчувствуя ее кончину, что-то робел и опасался. Но так как и он был чрезвычайно утомлен, то лег по нашей

⁴⁹ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 152. Л.52.

простоте на печку и тотчас уснул мертвым сном. Бабушка лежала на кровати спокойно, потом вдруг быстро повернулась и вскрикнула. Жившая у них работница (добрая женщина Федосья), не смея к бабушке подойти сама, но и почитая такой случай странным, тотчас разбудила дедушку, и просила его посмотреть бабушку. Дедушка, ожидая уже несчастья, тотчас встрепенулся, подбежал к бабушке, окликнул ее раза два или три, потом прикоснулся к ней, и залился слезами: она почила на веки!»⁵⁰.

Борис Гаврилович настолько глубоко чувствовал потерю своей жены, что прожив без нее пять или шесть лет, не мог забыть потери, он страдал и переживал из-за этого. При каждом воспоминании об Анне Ивановне он каждый раз заливался горькими слезами.

Детей у Бориса Гавриловича и Анны Ивановны было, кроме умерших в младенчестве, пятеро: два сына и три дочери, прям как и в семье Ивана и Прасковьи Казанцевых. Старший сын Бориса Гавриловича – Матвей Борисович, старший в роде, сначала был дьячком при соборе в Рузе, а потом – священником в селе Покровском (в 15 – 16 верстах от города Рузь). Он был «человеком неученым, но от природы наблюдательный и дальновидный, отличный супруг, хороший хозяин. К службе Божей благоговейный, трезв и степенный. Но в характере имел и некоторые недостатки»⁵¹. Когда Никодим учился в духовной семинарии дядя его Матвей Борисович доставил огорчение его родителям, как уже было сказано выше, тем, что потребовал от дедушки передачи его места своему сыну, которое тот предназначал для своей внучки, сестры Никодима.

Жена Матвея Борисовича, Мавра Антоновна, по словам преосвященного Никодима была женщиной велеречивой, то есть несколько напыщенной, но простой и иногда доброй. Она умела так нравиться своему мужу, что всю жизнь совершенно владела им, однако «детей, особенно девиц, не умела содержать в страхе». Матвей Борисович рассказывал

⁵⁰ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 152. Л.55–56.

⁵¹ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 152. Л.58.

Никодиму о своей женитьбе, этот рассказ характеризует быт духовенства того времени вообще и семейный быт родни Никодима в частности. «Когда исполнилось Матвею Борисовичу восемнадцать лет или побольше, Борис Гаврилович говорит ему однажды: «Матвей, не пора ли тебе жениться?» – Матвей: «Как Вам угодно, батюшка». – «Пойдем же со мной смотреть невесту», – сказал отец. Приезжают в село к священнику. Отцы между собой поговорили. Между тем девице (будущей супруге Матвея Борисовича) приказано было выйти – поговорить с Борисом Гавриловичем, что спросить, и попотчевать гостей. Матвей Борисович смотрел со стороны на девицу. Посидели несколько часов, собрались и поехали обратно. Дорогою Борис Гаврилович спрашивает своего сына: «Ну, видел девицу?», – тот: «Видел, батюшка». – «Понравилась ли она тебе?» – Матвей едва выговорил: «весьма понравилась»⁵². Матвей Борисович рассказывал Никодиму, что когда он в первый раз увидел Мавру Антоновну, то подумал, что во всем мире нет никого краше нее. Приведя этот рассказ дядюшки, Никодим так рассуждает: «Примтьте это, молодые люди, которые хотите вступить в брак. Вот что значить родительское благословение и послушание сыновнее»⁵³. Про детей Матвея и Мавры Никодим особенно не упоминает, однако говорит о том, что судьба некоторых их дочерей была печальна, что объясняет гневом Божиим.

Другой дядя Никодима, Николай Борисович, любимый сын у бабушки Никодима, был единственный ученый (во время детства Никодима) в роду; он кончил полный курс Московской духовной семинарии, в 1808 или 1809 г. Сперва он был соборным диаконом в Звенигороде (Московская губерния) и учителем в тамошнем духовном училище, а потом – диаконом в Москве. Учась в духовном училищ, Никодим жил у него на квартир полгода, а когда учился в семинарии, он на праздники Рождества Христова и Пасху большей

⁵² ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 152. Л.54–55.

⁵³ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 152. Л.55.

частью ездил в Москву к дяде Николаю Борисовичу. О том, как проводил здесь время Никодим, мы читаем в его воспоминаниях.

«Я был бедного отца сын, следовательно, как бедняк, был трактуем не больше как в роду слуги. Было тягостно и прискорбно, но чрез сие я выслуживал себе небольшие гроши, которыми существовал целую треть. Притом, у меня были сестры – девицы: я видел, что если можно иметь на кого надежду в помощи, то на сего дядю, в чем и не обманулся. Это еще более располагало меня – жертвовать своим служением для надежды на помощь сестрам. Благодарю Бога! В столь нежных летах я умел уже так далеко смотреть в будущее и не обманываться! Этому и доселе не знают ни мои сестры, ни родители»⁵⁴.

К Николаю Борисовичу хаживал Никодим и из Академии почти на все отпуска. Николай Борисович, преимущественно пред другими родственниками Никодима, принимать живое участие в жизни родителей Никодима и их детей. Этот человек был с крупными достоинствами и с крупными же недостатками. Как те, так и другие, обнаруживают в нем черты характера, противоположные его брату Матвею Борисовичу.

У Николая Борисовича было прекрасное сердце: он был в высшей степени добр, он любил благотворительность. «И, может быть, только сия его великая добродетель спасает его доселе. В других отношениях он жалостный человек». О доброте и благотворительности дяди Николая Борисовича Никодим говорит: «Благотворений его весьма много. Не считая того, что он сделал для других родных, скажу, что он сделал для моего рода. Мне самому он великий благодетель. Кроме того, что я у него имел пристанище, он мне всегда помогал в моих нуждах: без него мне слишком трудно было бы учиться в семинарии. Всех трех сестер, при выдаче их замуж, он наградил значительно от себя. И хотя две последние вышли по моим прожекам, но денежные награждения и попечения на месте – были его. За то я ему доселе

⁵⁴ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 152. Л.57.

должен тысячу рублей. Много было и других частных помощей. Например, племянницу Авдотью в Комлево за священника выдали мы двое. Я один не сделал бы этого дела. Теперь оба же мы хлопочем за девицу Катерину, дочку покойного Ивана Сергеевича (учителя в Саввинском духовном училище). Он тут участвует и попечениями и кошельком». К сожалению, Николай Борисович имел несчастную слабость, – временами он запивал. Он сознавал свою слабость и стыдился ее. Недостатки его смирляли, он был совершенно чужд самодурства, обыкновенно у некоторых людей соединенного со слабостями, подобными слабости Николая Борисовича. Вместе с ним Никодим хотел посетить в 1841 г. Саввин Сторожевский Звенигородский монастырь, где было духовное училище, в котором Никодим учился, а Николай Борисович был учителем. Но Николай Борисович, будучи нетрезв, не решился идти в это святое место, Никодим туда ходил один. Когда он вышел из монастыря, то увидел: «Мой дядюшка Николай Борисович с заплаканными глазами движется около аллеи монастыря. Он не смел идти в монастырь. И он учился, а после был учителем здесь... Но он стыдился самого себя, трепетал святыни: он был нетрезв»⁵⁵.

Заканчивая характеристику дядюшки Николая Борисовича, он говорить: «Вот и другой мой родственник жалкий. Не смею винить много: разсудит Господь!» По мнению Никодима, выбор жены его был «слишком несчастлив». Жена его Надежда Устиновна была женщина крутого характера, сварливая. «Хотя она тогда деревенскому мальчику Никите, сыну дьячка, казалась, будто «царица Савская», однако дурные стороны ее характера не могли влиять на Никиту (Никодима), как заразительный пример. К ним он должен был отнестись отрицательно уже потому одному, что сам терпел иногда от характера тетушки Надежны Устиновны, не говоря о других причинах, из которых главная – мнение матушки Никодима: хоть она была только дьячиха, однако умела оценивать людей по своему и, по

⁵⁵ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 152. Л.59–60.

простоте своей, по всей вероятности, не стесняясь, при детях высказывала свои мысли о родственниках»⁵⁶. Преосвященный Никодим не забывает и добрых качества Надежды Устиновны. «Но вот и ее добрые качества, говорить он: она мужу истинно верна. Его любит и уважает. За хозяйством ходит и смотрит мастерица. Недостатки мужа никому не разглашает, не жалуется даже ни отцу своему, ни матери»⁵⁷. Интересно теперь знать отзыв Никодима о детях Николая Борисовича и Надежды Устиновны: меня интересует решение вопроса, добрые или дурные качества характеров отразились на их детях. Детей у них «было довольно», но умирали во младенчестве. Остались в живых и достигли зрелого возраста только двое: сын Александр Николаевич Сокольский (но отцу и деду) и Анна Николаевна.

Первого Никодим характеризует так: «В характер есть маленькая заносчивость и пренебрежение к другим: это недостаток воспитания. Но сердце имеет прекрасное, рассудителен, любит благотворительность»⁵⁸.

О судьбе и характере Анны Николаевны, вышедшей замуж за Димитрия Семеновича Миролюбова, определившегося на диаконское место в Москве, в приходе Преображения Господня, что в Наливках, говорит: муж ее «бедняжка – человек не трезвый и имеет уже болезни. Если он умрет скоро, Аннушка будет несчастная женщина. Будучи такою нежною, прекрасною девицею, она теперь от черных попечений и расчетов по хозяйству, – сделалась какою-то истощенною женщиною. Жаль ее: муж благородный, умеренный в наслаждениях и стыдливый, – сделал бы из нее прекрасную, здоровую, цветущую женщину»⁵⁹. Сказав о детях Николая Борисовича, Никодим замечает: «Я их знаю лучше, нежели прочих родных. У них я начал свое учение в училище. После из семинарии (Вифанской) и академии (Московской) я к ним же прихаживал почти на все учебные отпуска. И

⁵⁶ Преосвященный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский//Енисейские Епархиальные ведомости. 1889. № 16 С. 282

⁵⁷ Преосвященный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский//Енисейские Епархиальные ведомости.1889. № 16 С. 283

⁵⁸ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 152. Л.59–62.

⁵⁹ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 152. Л.59–62.

теперь, вступя на должность, при каждом проезде через Москву, я останавливаюсь у них. Следственно, я их знаю почти 30 лет»⁶⁰.

Никодим очень сильно почитал и уважал своих родителей. Он им многим обязан, даже тем, что их семья жила бедно, ведь именно это, в первую очередь оказало большое влияние на будущего епископа. Благодаря этому, а также строгому воспитанию, в любви к Богу, к родителям, к ближним, Никодим сформировался, как личность. Он был добрым, милосердным, сострадательным, учтивым, воспитанным человеком. Всегда был снисходителен к низшим людям, помогал бедным и нуждающимся, вдовам и сиротам, не мог пройти мимо проблемы человека, всегда поддерживал чем может. Особые отношения были с матерью, ведь именно она занималась воспитанием своих детей, прививала им веру в Бога, воспитывала в них сильный дух. Никодим с глубоким благоговением относился к своим родителям, он любил их всей душой, помогал во всех бедах и несчастьях, стараясь сделать их счастливыми, постоянно в своих дневниках он упоминает своих батюшку и матушку только добрыми словами. Большое влияние на Никодима также оказал его дедушка по материнской линии – Борис Гаврилович, который всегда помогал семье Казанцевых. Глядя на него, Никодим увидел для себя истинный пример хорошего и достойного священника. В основном, все родственники Никодима служили для него хорошим примером, все любили благотворительность, помогали бедным и нуждающимся, это и многие другие качества Никодим перенял именно у своей семьи, что сделало его такие милостивым, отзывчивым и добрым человеком.

⁶⁰ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 152 Л.59–63.

2. Образование и работа Никодима (Казанцева).

С ранних лет обучением мальчика занимался сам батюшка его Иван Иванович. Он научил его читать по-славянски, и отчасти писать и петь по нотам. Никодим вспоминает: «Читать меня учил батюшка, сперва – азбуку синодскую, потом часослове и наконец псалтырь. После чего я стал уже, уметь читать хорошо»⁶¹. Строгости при обучении мальчика не было, так как его родители не были таковыми по характеру. Воспоминания Никодима о детстве, проведенном в родительском доме, принадлежат к наименее приятным. Беззаботное детство кончилось для Никиты в 1810 г. В этом году, около десяти недель после пасхи, его записали в Звенигородское духовное училище. Как писал сам Никодим, Звенигород – это очень маленький и бедный город, находится он в сорока восьми верстах от Москвы. Никодим вспоминает: «С полверсты выше, на берегу же Москвы реки, на крутой и, кажется, для крепости руками человеческими выровненной и надбавленной горе поставлен собор. Он стоит в сей крепости уединенно. При нем только четыре дома духовных»⁶². Именно здесь и жил Никита в дьяконском доме до 1812 г., сначала у дяди Николая Борисовича, соборного дьякона, а также учителя Звенигородского духовного училища, а потом у другого родственника, Ивана Сергеевича, занимавшего те же должности. «Местоположение удивительно прекрасное. Представьте: высочайшая крутая гора (сажень 40 вышины в отвесе), суцкая крепость, кругом возвышена и отделена от окрестности. На юг, у самой подошвы горы, большая дорога из Звенигорода в Рузу, потом тотчас Москва река, вьющаяся между приятнейших лугов, то ровных, то холмистых; за лугом на той стороне – большой посад и церковь, подальше и левее – село Першино, князя Лопухина, с прекрасным домом и садами на скате противоположная берега Москвы реки; еще левее – Звенигород! Направо – отдаленные виды чрез

⁶¹ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 155. Л.13.

⁶² ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 155. Л.14.

реку; правее, около двух верст расстоянием Саввин монастырь. Затем с запада, севера и востока – страшные овраги, заросшие лесом»⁶³. Никодим вспоминает о том как все было устроено в этом монастыре, вспоминает природу, тропинки, он помнит все «как вчера», вплоть до мелочей: «От собора до Саввина монастыря около двух верст, пешковых дорог две: одна среди луга, другая по опушке леса, в полускате холма, заросшего вековыми вязами и дубами. По сим-то дорожкам грустно я хаживал в Саввин монастырь, где наше училище»⁶⁴. Саввин монастырь, по словам преосвященного Никодима один из лучших и примечательных в России, в главном соборе здесь, в серебряной позолоченной раке (это ковчег в форме гроба с мощами святых), находятся мощи основателя монастыря святого Угодника Божьего преподобного Саввы (ученика и современника Преподобного Сергия Радонежского), открытые при царе Алексее Михайловиче. В версте с половиной от монастыря находится место где подвизался Преподобный Савва в тесной пещере, поросшей лесом, близ речки Разварни. До царя Алексея Михайловича монастырь был деревянный. Алексей Михайлович, по совету патриарха Никона, выстроил монастырь весь каменный. Он любил здесь жить, особенно летом. Говорят, что он бывал здесь иногда по месяцу. Поэтому, им были выстроены здесь для себя два дворца: один зимний двухэтажный, огромный каменный корпус, другой – летний дворец деревянный, на каменном фундаменте. Училище помещалось на верхнем этаже одного здания, в двух залах, разделенных сенями. Эти залы составляли половину помещения этажа, а другая половина была при Алексее Михайловиче «парадная трапеза», в которой иногда кушал сам царь. За углом этого здания был небольшой корпус, в котором внизу, в полуземле, помещалась «несчастливая бурса», то есть общежитие для казеннокоштных. Сам преосвященный Никодим в этой бурсе не жил, все время своего обучения он жил на квартирах, поэтому он в своих воспоминаниях не

⁶³ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 155. Л.14–15.

⁶⁴ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 155. Л.16.

приводит подробного описания этой «несчастной бурсы». В первый год обучения мальчика Никиту поместили на квартиру к дяде Николаю Борисовичу. Хотя мальчику Никите и не пришлось вкусить всех сладостей жизни в так называемой бурсе, однако жизнь на чужбине, особенно на первых порах, ему, малолетнему мальчишке, привыкшему к семье и родительской ласке, показалась не очень сладкой. Николай Борисович, перед поступлением Никиты Казанцева в училище, только что женился, жена его Надежда Устиновна была дочь Московского дьякона. Никодим пишет про нее: «Теперь видим, что она очень недалекая женщина, а тогда нашим деревенским она казалась будто царица Савская. Дядя меня отлично любил, а тетка не могла любить меня от того, что не любила никого. Это истинно удивительно!»⁶⁵ О жизни своей здесь Никодим сообщает: «В сих нежных летах я был весьма забавен своею наружною полуглупостью, которую на латыни хорошо называют *fatuitas*. Меня почитали, что я ничего не понимаю из тех запросов, коими потешались надо мною, но ошибались: я все понимал и забавлял их младенческою откровенностью и незнанием ухищрений и двоедушия. Помню один случай: тетка поставила к завтраку пироги или блины, тесто поднялось так высоко, что пошло вон из посуды. Тетка кричит мне: «Никитушка! Ушли блины. Беги скорей, и запирай двери». – Я доверчиво побежал, и запер. Это было забавно, но я сделал по приказанию. Впрочем, сколь тетка ни зла, но так как я не был шалун, был тих и послушен, а также совершенно верен, то и она меня отличала от других. А дядюшка любил»⁶⁶. В доме Николая Борисовича Никита Казанцев учился только писать по-русски и по-латыни. Здесь он был высечен два раза, не за ученические проступки: шалость, незнание урока, а чисто из-за хозяйственных расчетов. Тетка Надежда Устиновна высекла мальчика за то, что он попарившись отерся белой рубашкою, и ее замарал. Дядя Николай Борисович высек за то, что Никита потерял пропись, с которой учился

⁶⁵ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 155. Л.18.

⁶⁶ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 155. Л.18–19.

писать. Он, по совету товарища, для крепости, обмазал его маслом, а собака за то его изорвала как-то найдя его. Никита прожил у Николая Борисовича полгода. Николай Борисович перешел отсюда в Москву, в дьяконы же к приходу Николая Чудотворца, что в Новой Слободе. На место его поступил другой родственнику Иван Сергеевич Лебедев, за которым была замужем дочь другого дяди, Матвея Борисовича – Марья Матвеевна. Никиту оставили у него. Жить у них мальчику было очень худо, Никита пишет: „Здесь, начались уже мои страдания. Иван Сергеевич с женою иногда имели работницу, а иногда нет. Но в том и другом случае нас употребляли во все домашние работы. Мы и дрова рубили, и, воду носили, даже иногда и пищу готовили, и за скотиною ходили. Словом, были сущие работники. Собственно на сии службы употребляли меня и еще одного, не много постарше меня. Но так как сей мальчик был побойче, а я смирен и покорен безусловно: то меня и мучили больше всех»⁶⁷. Очень много Никодим пишет о том, как тяжело ему было находиться в этом доме, каким тяжелым, не детским трудам его подвергали и самое главное – отвлекали от учебы, он не мог достаточно времени уделять обучению. «И какие были мои лета? Восемь лет! А нас заставляли носить воду из-под прекрутой горы ушатом! Мучая меня: таким образом безжалостно, они вовсе отвлекали меня от учения: я не учился. В месяц раз иль два, ходил в школу, остальное время работал. И что еще? За всем тем нас мучили голодом. Не смели корочки хлеба взять, кроме обеда и ужина. Я был дитя: это было мое другое мучение. С нами вместе жил брать Марьи Матвеевны, Павел. Он был высшем отделении, и летами был меня старше по крайней мере четырьмя или пятью годами. По врожденному ли ему зверству, или по недостатку за ним надзора, или же по моему безответному смиренству, он меня бил как собаченку ни за что, иногда даже только из удовольствия – посмотреть, как я буду плакать. Он так исщипал мою голову, что, бывало, как я приеду домой на отпуск, не дам матушке

⁶⁷ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 155. Л.21.

дотронуться до головы: она у меня была как чирей. Бывало, пойдем по утрам в класс: среди дороги Павел нас обыщет, и горе тому, у кого он найдет корку хлеба: изобьет. Это его варварство и теперь мне чувствительно. Но я не жаловался тогда даже родителям: не смел. Я думал, что меня не защитят родители. Мои родители были бедные и между родными презираемые люди: я это видел. Однажды осенью меня послали искать и загнать домой гусей. Мы двое ходили за ними целый день, не раз перебраживали чрез реку и по глупости, и для скорости, не раздеваясь. Я не перенес сего: со мною сделалась горячка. Однако, слава Богу, остался жив. Еще, от несносных страданий телом и душою, мне приключилось здесь помешательство. Я убежал в ближний лес, взобрался на высокую сосну и если бы меня не отыскали и не сняли оттуда, я умер бы с голоду и холоду. Хорошо всего приключения я не припомню: я был в каком-то полусознании. Помню только, что мои товарищи, ходя по лесу, кричали, клича меня по имени и фамилии. Сидя на сосне, я пришел в себя, откликнулся, ко мне подбежали, но я слезть не мог. Не знаю уж, как меня сняли»⁶⁸. Вообще, все обстоятельства жизни Никиты Казанцева первых лет его обучения (особенно во время жизни его у Ивана Сергеевича) действовали на мальчика крайне угнетающим образом. «Пострадал» у Ивана Сергеевича Никита до июля 1812 г., когда ученики были распущены на вакацию (свободное от обучения время), после которой обучения не было целый год – по случаю нашествия французов. Живя на квартире у Ивана Сергеевича, Никита Казанцев почти нисколько не учился, он даже в класс приходил очень редко, не говоря уже о том, что ему заниматься дома было совершенно некогда, так как все время приходилось работать на родственников.

Тяжелый был 1812 г. для России, в особенности для городов и сел, близких к дороге, по которой шли французы в Москву, а мальчик Никита весело и привольно зажил после отпуска среди своих, среди любящих

⁶⁸ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 155. Л.23-24.

родных и близких, его вовсе не тревожили слухи о французах, которых с трепетом ожидали окружающие его. Мальчик отдыхал от волнений учебной жизни. В воспоминаниях Никодима есть интересные сведения о том как отразились события 1812 г. на подмосковных деревнях, как они заставляли волноваться деревенское духовенство и крестьян. Вот что об этом пишет Никодим: «В июле 1812 г. французы были уже в России. Мне было тогда 9 лет (и еще невступно). Я не понимал: что такое француз, откуда и зачем он идет? А притом и мои родители, так как и поселяне, с которыми мы жили, сами люди простые: и они не разумели здесь ничего. Воображали, что это суть такие злодеи, которые не оставят живого человека, всех изрубят, все истребят, сожгут и проч. По малости лет моих, я не умел и бояться. Между тем страхи начали усиливаться день ото дня. Чрез наше село все больше и больше начали проезжать и проходить люди, бежавшие от огня и меча французов. Их рассказы приводили в ужас наших отцов. Мы, дети, по детски были беспечны. От нашего села Бородинское поля около двадцати пяти верст расстоянием. Когда была сия страшная битва на Бородинских Полях, мы были еще дома. Я помню, что слышен был как бы подземный гул и грохот от пушечных выстрелов. Наши отцы, стоя на улиц с поджатым руками и поникшим взором, считали сии удары, и легчайшие называли русскими, а крепчайшие французскими! Помню, что сии удары походили как бы на что-то глухо под землею катающееся»⁶⁹. Духовенство села Комлева и Иван Иванович Казанцев, решились, боясь французов, переехать в другое место, подальше, где они, по их мнению, могли бы избежать опасностей и продолжить, в той или иной мере, жить спокойно.

Об этом Никодим вспоминает: «Не знаю, скоро ли мы после того (Бородинской битвы) выехали. Только из села мы тронулись прежде, нежели вступили в нашу Рузу французы. По крайней ли бедности, или по простоте своей, а может быть и по совещанию с родными, – мои родители (с

⁶⁹ Преосвященный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский//Енисейские Епархиальные ведомости. 1890. № 4. С. 60.

священником и пономарем) уехали от французов верст за двадцать от своего села, в село Покровское – Шереметевой. Тут священником был брат матушкин Матвей Борисович. Сюда же прибыл и дедушка, Борис Гаврилович с бабушкой (из Рузы). Выбор пал на село Покровское потому что оно было в стороне от дороги по которой шли французы – на севере, и окружено было лесами. Выбор в самом деле был порядочный»⁷⁰.

Подробнее о том, как происходили военные события в районе родного села семьи Казанцевых и о жизни во время военных действий Никодим рассказывает следующим образом: «Тогда от начальства было приказано строго не оставлять своих мест никому служащему. Посему в Покровское мы сперва собрались с матерями, а отцы наши оставались (в селах) и служили. Чрез день иль два, и батюшка прибежал. Французы заняли Рузу! На другой день прибежал наш дедушка из Рузы. Он ужаснулся, не найдя в Покровском бабушки, и неутешно заплакал, полагая, что она погибла от французов. Ее он оставил в Рузе, потому что не мог взять с собою: она за день перед тем, выйдя на улицу ночью, вывихнула себе ногу. Дедушка простился с нею, и бросился бежать. Когда он выходил из Рузы, французы ее атаковали. На площади не успевшие выступить по назначению ратники резались с французами. Их всех порубили французы. Дедушка видел, как французы рубили мужиков и солдат, защищавших обоз (с сухарями). Гнались и за ним: мародер несколько раз махал саблею, чтобы разрубить дедушку, но его спасла изгородь, около которой он бежал: сабля зацеплялась за колья. Мародер бросил дедушку, когда он упал: то ли думал, что: он его разрубил, или, что вернее, поспешил на помощь своей братии, которая рубила людей и лошадей у сухарного обоза. Так дедушку спас Господь. Он прибежал в Покровское не дорогою, а лесами и полями. Наконец пришла и бабушка, сопровождаемая верною работницею Федосьею Григорьевною. Эта услуга работницы бесценна. И они видели тысячи смертей, и не могли от них

⁷⁰ Преосвященный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский//Енисейские Епархиальные ведомости. 1890. № 4. С. 61.

бежать: бабушка едва переступала: Сам Господь покрыл их. Когда собрались все, – забыты были все ужасы. Однако, скоро опасности заставили подумать о убежищах. Решили: из села выехать в лес, и там жить, сколько возможно. Забрали все имение и скота с собою. В доме оставили кого-то одного на стороже. Всех нас вышло семейств девять или более. Проехав лесом версты три, остановились при Елани, устроили огромных два шалаша, и разместились семейств по пяти! Мы – дети – забыли страхи. Тогда было еще тепло. Мы резвимся, шалим, печем картофель, собираем ягоды. В лесу мы прожили около двух недель, как помнится. Каждый день прихаживали посланные от нас в село наведаться, что там. Французов не было. Между тем день ото дня становилось холоднее: решились перебраться в село, а имение скрыть. Перебрались. Вырыли на дворе яму. Поставили туда сундуки с имением. Яму заметали сперва землею и навозом, потом разным хламом – телегами, санями, бревнами. Что же? В самый первый день, как перебрались мы в село, пожаловали французы. Мы сидели за столом. К окнам подъехали верхами французы, привязали лошадей, и к нам. Дождем разбежались, кто куда попал. Не помню: застали они кого из нас, или мы все убрались. После, кажется, опять убрались в лес наши отцы, напугавшись французов, которые однако никого из нас не обидели. Однажды случилось: я шел из лесу в село с сыном Матвея Борисовича, Павлом. Подходим к селу, слышим барабанный бой. Вошли в село: тут французы. Мы не воротились (потому что в селе была моя матушка). Кое-как прокрались до дома. Входим, у нас французы за столом. Матушка им готовит пищу. Один молодой человек в офицерском мундире очень хорошо по-русски говорит: «Вы нас не бойтесь. Вы наши: ваш государь уже Наполеон. Москва взята. Ваш Государь царствовать уже не будет. Не обижайтесь за то, что мы у вас берем. Нам надобно же пить и есть. У вас холодно, надобно добывать теплой одежды. Нам из Франции запасть ей было нельзя: что делать? Война никому не мила: пройдет все скоро. И проч. Французы нас, детей, ласкали, посадили с собою за стол. Один из них, прощаясь, хотел поблагодарить Прасковью Борисовну по-французски,

поцеловать ее ручку, но она, подумав дурное, не давала руки. Француз показал крест, который был у него на груди, в знак того, что он христианин. У матушки пропал страх»⁷¹. Затем французы стали так часто посещать село, в котором жила семья Казанцевых, что последние стали к ним привыкать. Между тем на французские отряды стали нападать по временам казаки и крестьяне. Об одном из эпизодов борьбы русских с французскими мародерами Преосвященный Никодим рассказывает очень обстоятельно. Из этого рассказа я приведу в пример немного: «Всех французов убито около 30. Битва эта была в виду нашего села. Мы смотрели и все видели. Бедняжек французов, уже пленных, оборванных, привели к нам в село. Но вот двинулись французы из Москвы и из Рузы выступил отряд, занимавший ее. Как скоро узнали наши родители, что французы очистили Рузу они тотчас собрались, и тронулись домой. Слава Богу! Наше село уцелело – сожжено не было. Мы поселились опять в своем доме. Начали собираться и крестьяне. Началось богослужение. Народ молился с жаром. Все плакали о своих грехах. Все обеднели ужасно. Имена половина растеряна, другая ограблена французами. Скотины нет, хлеба нет то же. Не знаю, как и пробилась православные до лета. Открылись, по выходе французов, повальные болезни, от которых вымирали целые дома. Даже в маленьком Комлевском приходе едва успевали хоронить»⁷².

События двенадцатого года не прошли бесследно для крайне впечатлительного и нервного мальчика Никиты, в это время (после ухода из Москвы французов), мальчик заболел очень странной болезнью, которую сам не мог никак объяснить. Три раза повторялись с ним какие-то припадки – «изступления» как говорить он сам. Каждый, припадок продолжался часа с три. Больной лежал недвижимо с открытыми глазами и пересказывал некие видения, которые представлялись ему в этот момент. Видения эти отчасти имели отношение к событиям, происходящим в то время, хотя их не мог

⁷¹ Преосвященный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский// ЕЕВ. 1890. № 4. С. 63.

⁷² Преосвященный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский// ЕЕВ. 1890. № 4. С. 64.

понимать десятилетний мальчик Никита. Так, при первом видении, как бы от Лица Божия, мальчик рассказывал и объяснял окружающим причины тяжелого испытания России. «Кайтесь, – говорить он – Господь прогневался на вас за неправды ваши!»⁷³. Во второй раз Никита видел картину вечного мучения грешников, а в третий – картину блаженства – рай. В последствии преосвященный Никодим рассуждает об этих видениях так: «Кажется, не погрешу, если назову их откровениями Божиими»⁷⁴. После этих трех приступов мальчик испытывал особенное душевное состояние: он стал удивительно тих, перестал есть скоромное, не только мясо, а даже и молоко. «Матушка, сообщает Никодим, сожалела меня но детству, упрашивала со слезами, чтоб я ел скоромное. Ей было меня жаль, ибо я был чуть жив. Я уступил матушке. Вместе с сим, у меня родилась мысль скрыться из дома родительского, уйти куда-нибудь в неведомый лес и там поселиться для спасения»⁷⁵. Весной 1813 г. мальчик заболел уже обыкновенной болезнью, захворал месяца на два, едва выздоровел.

Прекратившиеся за смутными временами занятия в Звенигородском духовном училище начались снова в 1814 г. В училище произошло много перемен: поступили на службу новые учителя, количество учеников утроилось, так как сюда перевели учеников из закрытых к тому времени училищ в Троицкой лавре и Вифании, из которых в первой была открыта академия, а во второй семинария. Жить мальчику на чужбине, с этого времени стало несравненно лучше, чем прежде. Ивана Сергеевича уже не было в Звенигороде, и мальчика поставили на частную ученическую квартиру к крестьянину Илье Лаврентьевичу Рыбакову, который имел дом в под – монастырской слободе, в версте или поменьше от училища. Хозяин квартиры был хороший человек, разумный, богобоязненный, таким же было и его семейство. Никодим с благодарностью вспоминал о нем. В 1841 г.,

⁷³ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 161. Л.20.

⁷⁴ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 161. Л. 21.

⁷⁵ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 161. Л. 24.

посещая дорогие ему по воспоминаниям места родины, специально заехал к Илье Лаврентьевичу Рыбакову и спросил его беречь детей, которые стояли у него на квартире и наблюдать за ними: «Как он берег нас. Спасибо ему!»⁷⁶.

О жизни своей здесь Никодим сообщает: «Здесь я воскрес. Я рад был, что уже имел право свободно есть свой хлеб, когда захочу. Я жил с учениками, нас было на сей квартире до четырнадцати. Хоть тесновато, но мы были на свободе: и тем были довольны. Правда, пища наша была жалостная: одни пустые щи из сырой капусты, нередко без масла и без всего. Кто был в состоянии, покупал говядину. И я иногда привозил из дому соленой с пуд иль поменьше. Привозил еще четверик круп – на три месяца, и иногда варил себе кашу. Но и сия бедственная пища была мне отрадна, по сравнению с теми мучениями и голодом, какими я томился у Ивана Сергеевича»⁷⁷. Из этого описания жизни на квартире, которое Никодим считает хорошим, можно ясно увидеть, какими лишениями обставлена была училищная жизнь мальчика, сына, беднейших родителей: по настоящему для него «корень учения был горек»⁷⁸. Приведу в пример еще случай: Никита Казанцев, как сын бедных родителей, хаживал в отпуска домой из училища пешком (46 верст), даже зимой. Однажды, идя на праздник Рождества Христова к родителям из Звенигородского училища, он сильно обморозил ногу. Вот что рассказывает об этом сам Никодим в дневнике 1845 г.: «Этому будет, думаю, 30 лет назад. Мороз был лютой. У меня на ногах были прегрязные чулки и коты. Помню: я пришел на отдых и обед в деревню Локотню (отойдя 15 верст). Вбежал – тотчас на печку, стал разуваться: коты примерзли к чулку, насилу оторвал. Правая нога по суставу побелела. Мне бы надобно было отогреть ее в холодной воде иль водке: я отогрел на печи. Поднялись стрельба и лом: я не мог ступить ногою. Спасибо, на этот раз случился проезжавший мужичек нашего прихода из деревни Ленькова,

⁷⁶ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 161. Л. 24-25.

⁷⁷ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 161. Л. 26.

⁷⁸ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 161. Л. 26.

Понкратий Антонович (благочестивый старец и весь дом его благоговенный, он давно уже скончался): он меня довез до села, т. е. 32 версты. Нога у меня недель шесть болела так жестоко, что меня носили»⁷⁹. Но возвратимся к прерванному рассказу Никодима о жизни на частной квартире. Еще одно преимущество квартиры в доме Рыбакова: «Здесь, говорит Никодим, я мог учиться свободно, меня никто не отвлекал ни на какой работы. А у учителя я был больше работник, нежели ученик»⁸⁰. На этой квартире прожил Никита Казанцев около двух лет, после стал сманивать его на свою квартиру тот самый Павел Сокольский, который мучил его у Ивана Сергеевича. По простоте своей и незлопамятности, Никита послушался и перешел на его квартиру. «Но я жалостно обманулся: Павел меня тотчас опять сделал своим слугою и игрушкой его резвой и рассеяной души. С ним я прожил одну треть: его перевели в риторику»⁸¹. Природная мягкость и неспособность дать отпор окружающим его на чужбине, при невоспитанности товарищей почти лишали его значения среди своих товарищей, даже тогда, когда он был уже в высшем отделении училища. Как раз в это время представлен был в школу его брат Михаил, семилетний мальчик, Никодим вспоминает: «Мальчишки, мои сотоварищи, напали на него: начали над ним ругаться, бить его»⁸². Однако Никодим всегда старался защитить брата, насколько мог и когда мог. Семилетний брат плохо учился: это было новое горе для Никиты. «Со слезами на глазах, – пишет Никодим, я объяснял ему его уроки, и старался довести хоть до посредственности. Слава Богу! Мои труды и болезни не были тщетны. Понемногу он стал просветляться, и в два года успел перейти в низшее уездное (т. е. училище из приходского) более нежели посредственным»⁸³. Отношение младшего брата к старшему видно в воспоминаниях Никодима в следующих чертах: «Брать Михаил, увидев, сколько я ему приношу пользы и какую службу ему везде защитой, сделался

⁷⁹ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 161. Л. 27.

⁸⁰ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 161. Л. 28.

⁸¹ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 161. Л. 29-30.

⁸² ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 161. Л. 30.

⁸³ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 161. Л. 31.

мне столь покорным и был столь ко мне уважителен, что любил и почитал меня, как отца»⁸⁴. Промучившись с полгода или год на этой квартире, ребята просили матушку перевести их на старую – к Рыбакову, куда и перевела их мать. Здесь Никита с братом прожили до окончания курса в училище уже в хорошем расположении духа. Суровых спартанских отношений со стороны начальства бursы Никодиму не пришлось испытать, благодаря, во-первых, его кротости, скромности и вообще воспитанности, а во-вторых, – хорошим успехам. В низшем отделении он был третьим по списку, окончил обучение девятым, хотя в первые годы обучения, живя у родственников, мальчик почти не учился, а больше работал. Начальством училищным Никодим был высечен только два раза: в первый раз за ничтожную детскую шалость, а во второй наказан был совсем несправедливо, по доносу ученика, – мальчика ленивого и дурного поведения. Последнее наказание так потрясло Никиту, что он целый день рыдал и даже окружающие стали опасаться, чтобы с ним чего не случилось.

Воспоминания Преосвященного Никодима о школьной жизни были и приятными и грустными одновременно. Так, он с совершенно различными чувствами вспоминает о двух своих учителях – низшего и высшего отделений. Первый из них – весьма приятная личность, – доброе, отрадное явление, какое не часто встречалось на темном фоне старой бursы. Вот что пишет о нем Никодим: «В низшем отделении был у нас прекрасный учитель, студент Алексей Семенович Миролюбов. Он нас любил, был прилежен и умел учить, и особенно любил покровительствовать дарования. Лучшие ученики всегда были его утехой, с ними он был ласков, хвалил, даже иногда шутил, хотя весьма умно. Любил нам рассказывать истории и анекдоты. Помню, как он нас восхищал рассказами о походах Суворова, о египетских древних чудесах, о сфинксах, Семирамиде, колоссах и проч. За то и мы его отлично уважали и привязаны были к нему, как дети. Меня он, кажется,

⁸⁴ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 161. Л. 31-32.

любил особенно. Я был очень мал ростом и крайне застенчив, но учился очень хорошо, потому я имею какую-то оплошность и наружную простоватость. Это забавляло моего умного учителя. Однажды, когда он задал нам в классе задачу, и ее дожидался, я подал ее прежде всех. Он стал читать, морщась и кивая. По этому мы привыкли считать свои проигрыши в задачах. Но я знал и был уверен, что моя задача хороша. Учитель подписал *Praestantissime* (превосходно), и, подойдя ко мне, с притворным гневом, сказал: «худая задача, *Flecte!* (становись на колена)». Я сейчас же увидел, что это только потеха. Однако, с притворною же грустью, я сошел с места и стал на колена. Учитель тотчас подошел ко мне, погладил по голове, велел садиться и осыпал похвалами. От той же простоты, иногда, слушая толкования и рассказы учителя, я прислонялся к соседнему товарищу и дремал. Учитель, бывало, выкликнет: «Казанцев! Сказывай, что видел во сне?» Впрочем, его толкования я был способен всегда повторить, и потому он не сердился на меня, а только забавлялся»⁸⁵. От учителя высшего отделения, студента Степана Петровича Краснопевцева, Никита Казанцев чуть не пострадал жестоко. «Этот учитель, – говорить преосвященный Никодим, был хладен ко всем. Бормотал про себя, однако был и умен, и прилежен. Меня он последнюю треть особенно невзлюбил, раза два ни к чему придрался в классе, и весьма больно таскал за волосы и бил по щекам и по головам. Моя пред ним вина была очень смешная. После Пасхи, надобно было, по обыкновению, являться к учителю. Тут ему дают, кто сколько может. Мне батюшка дал на это либо гривенник, либо пятиалтынный. Идя к учителю, я колебался: дать эту монету учителю, или не дать? – я учусь, думал я, хорошо, должен быть переведен в риторику, за что же я дам деньги учителю? – А притом, как эта монета и мне была бы нужна?! С такими мыслями я пришел к учителю. Выходит. Я с ним похристосовался, дал красное яйцо, потом и монету хотел было дать, даже и руку протянул, и

⁸⁵ Преосвященный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский//Енисейские Епархиальные ведомости.1890. № 11. С. 161.

учитель также было протянул свою руку, но я вдруг передумал, и возвратил руку назад. Учитель остался пристыженным и с крайнею досадой меня отпустил, не сказав, однако, ничего. Странно и смешно! Учитель, правду сказать, всего ближе мог принять мой поступок за насмешку над ним, но я не имел ничего схожего в мыслях, а сделал это по странной простоватости, особенно мне принадлежащей. Однако, как оказалось, учитель этого не понял и потому мстил мне побоями. Даже замышлял было сделать мне еще большее зло, а именно, хотел оставить в училище (в том же классе), а может быть и исключить»⁸⁶. Навестила после этого случая Никиту его матушка, возвращаясь с богомолья. Ей рассказали о гневе учителя на ее сына, но она не поняла почему так происходит. Однако, при встрече с дедушкой, Борисом Гавриловичем, рассказала ему о беде сына. «Дедушка испугался, дал матушке 20 рублей денег и послал опять ко мне, с тем, чтоб дарами и поклонами умолить разгневанного учителя и просить покровительства от смотрителя. Царство небесное дедушке! Он понял дело: может быть, без того, я точно, если не исключен, то оставлен был бы в училище. А это так важно, что оно решило бы мою судьбу совсем иначе на все последующее время»⁸⁷.

Рассказывая об училищной жизни Никодима, нельзя опустить из виду проявления его религиозных чувств за это время. С раннего детства глубоко религиозный, мальчик Никита, живя на святом месте, ознаменованном великими подвигами преподобного Саввы и слыша здесь предания о нем, проникся глубоким благоговением к этому святому месту и к великому подвижнику. Впечатления детства были так сильны, что в последствии преподобный Савва являлся Никодиму во сне, и память о нем он глубоко чтит и уважал. Вот, например, какой сон видел Никодим, учась в риторике (низшем отделении семинарии): «Представилось, будто я в соборе, где Он

⁸⁶ Преосвященный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский//Енисейские Епархиальные ведомости. 1890. № 11. С. 162.

⁸⁷ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 162. Л. 8.

(преподобный Савва, т. е. его нетленные мощи) почивает,— один, ночью, при огнях, стою позади его раки – в головах, и с жаром молюсь ему и кланяюсь в землю. Вижу, что угодник Божий из гробницы приподнимается и смотрит на меня. Я с ужасом это заметил. Подошел, однако, и облобызал его десницу, которую он мне подал. Чистая, белая, мягкая и теплая десница!»⁸⁸. Эти моменты показывают насколько мальчик был религиозен и благоговел пред святыней, также трепетно он относился и к богослужениям.

Когда мальчик учился в низшем еще отделении, он увидел в первый раз в жизни архимандрита: ректора Вифанской семинарии Парфения, который приезжал в училище ревизором. Во время экзаменов, когда оканчивал курс Никодим, приезжал ревизором другой архимандрит Вениамин, тоже ректор Вифанской семинарии. Мальчик благоговел перед ними, и благоговение его доходило до энтузиазма. «Невозможно изобразить моих чувств удивления и благоговения, какое я имел к сим ректорам. Мне казалось, что они уже не люди, а гораздо их выше, будто ангелы. Помню, я нарочно бегал посмотреть повозку, в которой приехал Парфений, и мне казалось, что и повозка и лошади и кучера— все необыкновенное. Готов был креститься и целовать все»⁸⁹. Матушка Никодима просила архимандрита Вениамина за своего сына. Он ей милостиво сказал, что сын ее учится хорошо и, без сомнения, поступить в риторику. В 1818 г. Никиту Казанцева перевели в риторику, а в сентябре того же года ему исполнилось 15 лет. Представлять в Вифанскую семинарию 15-ти летнего Никиту взялась его матушка, Прасковья Борисовна, из особенной любви к мальчику. Отправились они в Вифанию в августе 1818 г., как бедняки, пешком, для сбережения денег, которые могли пригодиться мальчику в семинарии, тем более, что неизвестно еще было, примут ли его в семинарии на казенное содержание, которое предназначалось главным образом для сирот, и только в редких случаях давалось детям беднейших родителей. В Рузе они зашли к дедушке Борису Гавриловичу, он благословил

⁸⁸ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 162. Л. 20.

⁸⁹ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 162. Л. 23.

внука образом Трех Святителей. Вифанская семинария, в которой проучился 8 лет Никита Казанцев, находится при монастыре, известном под именем «Вифании». Монастырь и семинария были основаны в царствование Императрицы Екатерины II, московским Митрополитом Платоном, бывшим законоучителем сперва Императора Павла, а потом Александра Первого. Жилые комнаты во время Никодима были в семинарии очень простые. В семинарии жили одни семинаристы. Ректор жил в монастыре в митрополичьих комнатах, учителя семинарии, или, как их тогда называли – профессора, помещались в двух корпусах, построенных близ монастыря, из них один каменный двухэтажный, другой деревянный. В последнем помещались правление и больница. О ректоре Вифанской семинарии – Никоноре, Никодим пишет следующее: «Такого ректора другого я не видал. Вот его отличительные качества: попечителен по долгу службы без лицемерства, отменно правосуден, умел держать себя и умел приобрести решительную важность в семинарии»⁹⁰. В словесности Никита Казанцев проучился не два года, как бы следовало, а четыре. Хотя в первые два года он достаточно хорошо учился, чтобы перейти в среднее отделение, в философию, но он остался в низшем отделении на повторительный курс еще на два года «для большего усовершенствования»⁹¹.

С переходом в философию, для Никиты Казанцева оканчивается период отрочества и первой ранней юности. В среднее отделение Никита Казанцев вступил в 19 лет. И в эти годы он избегал всяких увлечений. О Вифанской семинарии Никодим вспоминает: «Блаженное место – Вифания. Монастырь, прекрасный лесок, луга, поля, ручейки, монахи, начальники, семинаристы – и только!»⁹².

После окончания среднего образования в Вифанской духовной семинарии, в 1826 г. Никодим поступает в Московскую академию при

⁹⁰ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 162. Л. 25.

⁹¹ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 162. Л. 26.

⁹² ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 162. Л. 26.

Троице-Сергиевой лавре. «Именно здесь он принял монашеский постриг и был наречен Никодимом 31 марта 1829 г.»⁹³. Об этом периоде своей жизни Никодим мало вспоминает, поэтому подробных сведений об обучении в этой семинарии нет. После того, как он закончил Московскую духовную академию в 1830 г. ему довелось попробовать себя в роли преподавателя в духовных училищах, сперва его назначают инспектором и вторым профессором богословия и еврейского языка в Тульской духовной семинарии, а затем он был перемещен в Новгородскую семинарию, где его назначили инспектором и профессором философии. Но «из-за ряда столкновений с местными духовными властями был вынужден вернуться в Тулу, где с 24 октября 1833 г. был инспектором. По всей видимости, конфликты с новгородским духовенством не были особенно резкими и не имели серьезных последствий для будущей духовной карьеры Никодима: 11 февраля 1835 г. Никодим был назначен ректором Вятской духовной семинарии. В этом же год он становится настоятелем Вятского Успенского Трифонова монастыря (19 марта), а также возводится в сан архимандрита (17 апреля)»⁹⁴.

Именно в этот период времени в Российской империи происходило преобразование и реформирование учебной программы для духовных училищ и семинарий. Для этой цели Синод предложил ректорам семинарий представить свои планы и проекты по преобразованию и именно проект Никодима был особо отмечен и выделен Синодом и обер-прокурором Н.А. Протасовым, после чего Никодим был вызван в Петербург для составления нового плана обучения в духовных училищах, но, к сожалению, его работа не произвела должного впечатления на Синод, и план так и не был реализован.

О своем назначении в Тульскую семинарию Никодим вспоминает: «По окончании курса в разрядном списке я помещен 5-м и назначен к магистерству. Так как комиссия духовных училищ, вероятно представила

⁹³ Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861–2011 гг. Красноярск, 2011. С. 80.

⁹⁴ Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861–2011 гг. Красноярск, 2011. С. 82.

митрополиту распорядиться и размещением нас по должностям, то конференцией нашей академии я и назначен был профессором богословия во Владимирскую семинарию, а в Тулу инспектором светский Иван Михайлович Смирнов, мой товарищ. Когда представили это митрополиту, то он сказал: «Лучше пусть монах (т. е. я) будет инспектором, тем паче, что они со Смирновым по списку стояли рядом». Пререкаться не смели, и я определен инспектором и вторым профессором богословия и еврейского языка в Тулу. В конференции все говорили согласно – послать меня инспектором в Тулу. Один отец инспектор не согласен. Он сказал: «Этот монах сомнителен, на него надо посмотреть, я опасаюсь его поведения, пусть сперва побудет просто профессором». Так и согласились»⁹⁵. После приезда в Тулу Никодим пишет: «На другой день я тотчас, вставши, пошел к отцу ректору, архимандриту Стефану. Он меня принял ласково. Потом в правление. Я принял присягу. После – к преосвященному. Он был на даче. Приехали, преосвященный ласков, много говорил, и, кажется оставил обедать»⁹⁶. На чужбине Никодим чувствовал себя чужим и одиноким, долго не мог привыкнуть ко всему что происходило, не мог свыкнуться с мыслью о расставании с семьей, но все же были несколько людей, которые скрашивали работу в Туле: «Мне казалось ссылкой мое место: все чужие, не с кем разделить время, чтобы хоть на минуту забыть свои страдания, я был всем чужой. Притом, по моему сану и должности, ко мне не всякий имел смелость приблизиться, хоть я того искал. Я ласкал семинаристов, но они во мне видели начальника и не смели быть просты. Притом столь молодые люди что за утешители. У меня впрочем был прекрасный служитель, из духовных, лет 15-ти Александр Синявин. Это была моя отрада, благоговен, умел, кроток, любил меня. Я утешался. Из наставников ближе всех был Тимофей Трофимович Хитров, простак и добрый человек. Я приглашал к себе нашего

⁹⁵ Из записок Преосвященного Никодима, епископа Енисейского и Красноярского: [мое первое житие и инспекторство в Тульской семинарии. 1830 с 12-го сентября по 15-е мая 1832 года], 1911. С. 7.

⁹⁶ Из записок Преосвященного Никодима, епископа Енисейского и Красноярского: [мое первое житие и инспекторство в Тульской семинарии. 1830 с 12-го сентября по 15-е мая 1832 года], 1911. С. 9.

церковного старосту, мещанина Козьму, и его помощника, молодого кузнеца, но это были плохие утешители. Еще хаживали сапожник и часовщик, порядочные, но простые люди»⁹⁷.

В 1841 г. архимандрит был направлен в Одессу, где был назначен настоятелем Успенского монастыря и ректором Херсонской духовной семинарии. После этого Никодим был назначен ректором Курской семинарии, а также в 1845 г. настоятелем Рыльского Николаевского монастыря в Курской области. Позднее, в 1851 г. был назначен ректором Ярославской семинарии и настоятелем Ростовского Богоявленского Авраамиева монастыря.

«В конце 1853 г. его вызвали в Синод, где ему сообщили о будущем назначении его епископом Чебоксарским, викарием Казанской епархии. Никодим был рукоположен в архиерейский сан 10 февраля 1854 г. А через семь лет, с 18 сентября 1861 г. он становится епископом новосозданной Енисейской епархии»⁹⁸. В начале июня 1861 г. у Никодима было несколько встреч с красноярским протоиереем Василием Касьяновым, который впоследствии стал духовным отцом будущего первого епископа Енисейского и Красноярского. Поездка в Сибирь во времена, когда еще не было Транссибирской железной дороги, была очень трудной, особенно зимой. «5 января 1862 г. около 9 часов утра епископ Енисейский и Красноярский прибыл в город Красноярск. Переодевшись в приготовленном у заставы доме, Владыка приехал в установленный кафедральный Богородице-Рождественский собор, где совершил краткую литию и помолился. Архиерея доставили на временную квартиру – дом купчихи Мавры Герасимовны Беловой. В 12 часов Владыка присутствовал за Литургией. «Я едва стоял от утомления, однако решился сам освятить воду». Ввиду усталости и слабости епископ Никодим отказался от служения всенощной и проспал 14 часов,

⁹⁷ Из записок Преосвященного Никодима, епископа Енисейского и Красноярского: [мое первое житие и инспекторство в Тульской семинарии. 1830 с 12-го сентября по 15-е мая 1832 года], 1911. С.11.

⁹⁸ Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861–2011 гг. Красноярск, 2011. С. 82.

вплоть до 8 часов утра 6 января. Затем Владыка присутствовал за Литургией в Покровской церкви. В тот же день состоялись встречи с духовенством, представителями власти, гражданами города Красноярска, каждая из них прошла в благоприятной атмосфере. 7 января 1862 г. епископ Никодим впервые возглавил богослужение в своей новой епархии – Божественную Литургию в Воскресенском соборе, в приделе Владимирской Божией Матери. По окончании богослужения он произнес свою первую проповедь в качестве красноярского архипастыря»⁹⁹.

Вот что о своем приезде в Красноярск пишет сам епископ: «Слава Тебе, Господи! Я в Красноярске. Приехал избитый, изнуренный, окоченевший от морозов лютых, за 30 градусов, и продолжавшихся с возрастающею силою на пространстве 1500 верст. Я приехал в 9 часов утра. Переоделся в предместьи города, в каком то мирском, снаружи деликатном, но внутри несносно – холодном и гнилом доме. Приехал в Новый Собор, в карете, парою. Встреча: лития, многолепие. – Собор готический, внутри шесть колонн, по три в каждой. Живопись на золоте, высокой кисти, но и смиренной. Собор во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Я стоял в соборе длинную Литургию. Пели недурные певчие. Я совершил водоосвящение. При окроплении святой водою подходящих ко кресту со мною сделалось дурно. Едва вполз в алтарь. Разоблачили. Обещался завтра служить и идти на Енисей для водоосвящения: не могу. – Говорят – угарно в соборе. Но я к тому изнурен без конца дорогою, без сна с дурной пищею и не во время. Я во временной квартире купчихи Беловой. Хороший каменный дом. Тут меня встретил Губернатор, представлялись духовные, купцы. Ложусь спать в 6 часов вечера. Холодно. Я принят с любовью. Старец купец пожертвовал богатой золотой парчи и глазета архиерейское облачение, а какой то Чиновник митру. Тот же старец (В. Н. Веселовский – степенный гражданин) подарил мне кусок (20 аршин) богатого коричневого бархата па рясу. Жаль, холодно в

⁹⁹ Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861–2011 гг. Красноярск, 2011. С. 86.

квартир моей»¹⁰⁰. О своей жизни в Сибири Никодим писал так: «Благодарю Великого Бога! Я в Красноярске живу тихо и беспечно, даже радостно...Еще ничто и никто меня не огорчил. Граждане награждают. Светские власти вежливы. Духовенство покорно»¹⁰¹. Повседневная жизнь епископа проходила размеренно и спокойно: он проводил церковные служения, заботился о причтах (лица, служащие в одном приходе), занимался домашними делами, много читал, например, по приезду в Красноярск, Никодим прочел историю жизни М.М. Сперанского, которым он очень восхищался, читал о св. Василии Мангазейском, о иеромонахе Тихоне и др., также, епископ любил гулять по улицам города, изучал архитектуру и природу Сибири, про Енисей он писал следующее: «Величественный, в островах, но по ту сторону горы, у подножия – селения и поля. Берег имеет деревянную набережную»¹⁰². Также Никодим писал и о других достопримечательностях города: «Вечером, в 4 часу, я ездил на гору, что за р. Качею, на север от Красноярска. Был в часовне, поставленной на самом возвышенном месте. Великолепный вид! Город под ногами, как на блюде, широкий Енисей холстом окружает город, за ним разнообразные горы, вдали на восток – как черная туча, виднеются тоже горы, уже гораздо выше наших: они черные, следовательно, покрыты лесом. На берегу Енисея видны четыре церкви, т.е. четыре села... На вершине горы страшный ветер, едва можно стоять на ногах, а внизу довольно тихо»¹⁰³.

Заниматься вопросами касавшимися строительства архиерейского дома, Никодим начал почти с самого приезда в Красноярск.«Уже в феврале 1862 г. архитектор Яков Иванович Алфеев (именно по его проекту возведена часовня на Караульной горе) сделал рисунки будущего каменного здания. Владыка планировал свою будущую резиденцию как усадьбу. В ее состав, кроме дома архиерея с Крестовой церковью, должны были войти следующие

¹⁰⁰ Дневники 1861 г. / Никодим. Красноярск, 1997. С. 9.

¹⁰¹ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 164. Л. 7.

¹⁰² ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 164. Л. 9.

¹⁰³ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 164. Л. 10-11.

дома и пристройки: дом для крестовой братии, дом для певчих, помещение для служащих при архиерейском доме, помещение для подначальных духовных ведомств, две кухни, необходимые хозяйственные постройки. Для такой усадьбы требовался большой земельный участок, причем неподалеку от кафедрального собора, как это было принято в России. Кроме собственном архиерейского подворья, Никодим задумал также расположить по соседству(через дорогу) консисторию и дома с квартирами для духовенства кафедрального собора»¹⁰⁴. В итоге построить архиерейский дом было решено в западной части Новособорной площади.

В январе Никодим заметил, что у него опухла нога, однако боли он не чувствовал, в феврале состояние ноги стало резко ухудшаться, в это время епископ пишет: «Сковало левую ногу и ступню. Был лекарь. К ночи пуще. Помилуй меня, Господи»¹⁰⁵. Долгое время Никодим не мог встать, и пол месяца провел в постели. В 1864 г. в газете «Енисейские епархиальные ведомости» была опубликована работа Никодима «Повесть о блаженном Василии Мангазейском и о начале Туруханского монастыря», после этого были изданы также проповеди, очерки и исследовательские материалы епископа. В 1869 г. здоровье епископа продолжало ухудшаться, он все реже стал появляться на службах, а в 1870 г. он отправил прошение в Синод об отставке, которое одобрили в мае того же года. В июне епископ совершил последнюю Литургию, после чего покинул город и переехал к сестре в Димитров, где и умер.

«Время служения Никодима вспоминалось современниками как самое благодатное. Протоиерей Красноярского кафедрального собора В.Д. Касьянов вспоминал об этих годах: «... Он исходатайствовал прекрасное место для архиерейского дома и построил деревянный дом. Заботился о церковнослужителях, особое попечение о сиротах духовного звания... Во все

¹⁰⁴ Шушканова Е.А. Архиерейский дом Красноярска: вехи истории (XIX – начало XXI веков), Красноярск, 2017. С. 21-22.

¹⁰⁵ ГАКК. Ф. 561 Оп. 1 Д. 164. Л. 21.

воскресенья и праздничные дни совершал служения, почти ежегодно выезжал для обозрения епархии: был в Енисейске, Туруханске, Кежемском крае до границы Киренского округа». За время своего служения в Красноярске Никодим дважды объехал епархию полностью»¹⁰⁶.

Никита Казанцев прошел длинный путь в становлении епископом. Он учился в нескольких семинариях: Звенигордское духовное училище и Вифанская семинария. Здесь он получил большой опыт и знания, не смотря на трудности в семье, когда его загружали работой родственники. Вместо того, что бы давать спокойно заниматься учебой ему приходилось делать множество домашних дел, терпеть жестокое к себе отношение, но даже с такими трудностями, ему удалось закончить образование одним из лучших. Благодаря ответственному характеру и большому уму, ему удалось сразу после окончания высшего духовного училища поработать в различных городах в качестве профессора и инспектора, например в Туле. Никодим очень достойно проявлял себя на данных должностях, после чего был назначен викарием, а после и епископом в Енисейскую губернию, где провел лучшие годы своей жизни. Он объездил Енисейскую губернию полностью несколько раз, при нем был построен архиерейский дом, а также были открыты различные духовные училища. После него осталась большая коллекция книг, которую он собирал в течении всей своей жизни, а также множество дневниковых записей, что помогает воссоздать картину жизни епископа с самого раннего детства.

¹⁰⁶ Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861–2011 гг. Красноярск, 2011. С. 97.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проведенного исследования на основе дневниковых записей личного фонда Никодима (Казанцева), хранящихся в Государственном архиве Красноярского края можно сделать несколько выводов, исходя из поставленной цели исследования. Для достижения этой цели я проанализировала упомянутые выше дневники, проанализировала различную литературу по данному вопросу, а также подробно исследовала задачи, поставленные мною в начале работы. В первой главе, я проанализировала ранние годы жизни будущего епископа, для того чтобы сформулировать основные качества характера, которые сформировались у Никодима с детства, проанализировать предпосылки для становления епископом, как и когда зародилась у, тогда еще Никиты Казанцева, любовь к религии, рассмотреть взаимоотношения с родителями и семьей, которые всю жизнь оказывали немалое влияние на Никодима. В следствии моего анализа можно сделать вывод, что главная черта характера Никодима (Казанцева) – милосердие, была привита мальчику с самого детства, в последствии, когда тот стал епископом, все его современники вспоминают о невероятном милосердии и сострадании к приходящим к нему простым людям, о понимании и принятии бедных, все это обусловлено тем, что сам он был из крайне бедной, приниженной семьи, которая и воспитала в нем любовь ко всем окружающим, так Никодим научился сочувствовать каждому, сопереживать нуждающимся и обездоленным людям. В этой же главе я дала характеристику отношений Никиты Казанцева с его родственниками, как самыми близкими – родителями, сестрами и братом, так и с другими – бабушки, дедушки, дяди, племянники, которые оказали наибольшее влияние на жизнь, мировоззрение, характер и личность епископа. Также, на становление Никодима, как личность, в первую очередь, большое влияние оказала его мать – Прасковья Борисовна, которая привила ему любовь к Богу, уважение к старшим, воспитала в нем почитание и любовь к родителям,

научила жить в мире и согласии с собой, своими братьями и сестрами, с родителями и окружающими.

Также, хотелось бы отметить то, что все родственники Никодима имели прямое или косвенное отношение к церкви, поэтому с самого раннего детства Никодиму прививали любовь не только к окружающим его людям, но и к Богу, с ранних лет учили молиться, водили в церковь, всегда в семье Казанцевых отмечались православные праздники по высшему уровню, не смотря на бедность семьи. Особенно большое влияние на Никодима оказал его дедушка по материнской линии – Борис Гаврилович, который всегда помогал семье Казанцевых. Глядя на него, Никодим увидел для себя истинный пример хорошего и достойного священника, коим хотел стать сам. Библия занимала особое место в жизни Никодима, еще со школьных времен, когда он начал учиться в Звенигородском духовном училище, он начал перечитывать Священное Писание раз за разом на протяжении всей своей жизни.

Во второй главе я дала анализ начальному, среднему и высшему образованию Никиты Казанцева, а также периоду, когда тот стал первым епископом Енисейским и Красноярским. Здесь мы видим как менялась жизнь и обучение Никодима на протяжении долгого периода, ему приходилось жить у родственников, которые не давали ему времени на учебу, постоянно загружая домашней работой, но даже при этом Никодиму удавалось заканчивать обучение одним из лучших учеников. Это говорит не только об уме и образованности будущего архипастыря, но и о целеустремленности и любознательности, он никогда не опускал руки, даже когда было крайне тяжело, шел только вперед, всегда пытался узнать что-то новое. Были в жизни Никодима и печальные моменты, когда ему приходилось горько плакать, как пишет сам епископ, он был крайне малодушным и скромным, также был крайне доверчивым, от чего часто страдал. Но все это только подчеркивает то, что он был очень усидчив и имел большую цель: выучиться достойно, он даже оставался на второй год в Вифанской духовной семинарии

на риторике, только для того чтобы более точно изучить все что преподавали, знать предметы в совершенстве, и только тогда он хотел перейти на следующий уровень для дальнейшего обучения. После обучения Никодим удостоился возможности поработать инспектором и преподавателем богословия в нескольких духовных семинариях (Тульская, Новгородская), после чего ему выпала возможность работы ректором в Вятской духовной семинарии – это дало ему большой опыт в обучении и работе с людьми. Позднее высокая образованность и опыт Никодима помогли ему составить проект по преобразованию учебной программы духовных училищ и семинарий, который отметил Синод, после чего его пригласили в Петербург для составления нового устава, но к сожалению, разработанный им проект так и не вступил в силу.

Прежде чем Никодим (Казанцев) стал первым епископом Енисейским и Красноярским он был ректором еще нескольких духовных семинарий в разных городах (Одесса, Курск, Ярославль), а также ему довелось побывать в качестве епископа в Казанской епархии, и только через семь лет после этого, в 1861 году он становится первым епископом новосозданной Енисейской епархии, здесь при нем был создан архиерейский дом. Нового епископа крайне интересовала история Сибири, которую он в первые же дни своего пребывания начал подробно изучать. В Красноярске Никодим большое внимание уделял местному образованию, он считал, что этим делом должно заниматься исключительно духовенство, в итоге в Красноярске открылось несколько приходских училищ.

В заключении следует упомянуть о том, что Преосвященный Никодим (Казанцев) крайне любил читать, изучать что-то новое, после него осталась огромная коллекция книг, которые он собирал в течении всей своей жизни. После того, как епископ заболел и болезнь начала развиваться все сильнее, то с 1869 года он уже редко проводил служения и проповеди. В 1870 году он провел свою последнюю Литургию в Красноярске, после чего уехал и умер в 1874 году. Память о Никодиме живет по сей день, так как он является

родоначальником Енисейской епархии и внес большой вклад в ее становление и развитие.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Опубликованные источники

1.1. Периодика

1.1.1 Преосвященный Никодим, епископ Енисейский и Красноярский. Дневники 1861 г. / Никодим. – Красноярск: Культурно-исторический музей "Некрополь", 1997. 32 с.

1.1.2. Преосвященный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский // Енисейские епархиальные ведомости. 1888. № 20. С. 295–301.

1.1.3. Преосвященный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский // Енисейские епархиальные ведомости. 1889. № 5. С. 92–100.

1.1.4. Преосвященный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский // Енисейские епархиальные ведомости. 1889. № 6. С. 107–112.

1.1.5. Преосвященный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский // Енисейские епархиальные ведомости. 1889. № 7/8. С. 128–132.

1.1.6. Преосвященный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский // Енисейские епархиальные ведомости. 1889. № 11. С. 192–195.

1.1.7. Преосвященный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский // Енисейские епархиальные ведомости. 1889. № 12. С. 211–217.

1.1.8. Преосвященный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский // Енисейские епархиальные ведомости. 1890. № 1. С. 1–7.

1.1.9. Преосвященный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский // Енисейские епархиальные ведомости. 1890. № 4. С. 56–64.

1.1.10. Преосвященный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский // Енисейские епархиальные ведомости. 1890. № 7/8. С. 106–113.

1.1.11. Преосвященный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский // Енисейские епархиальные ведомости. 1890. № 11. С. 160–166.

1.1.12. Преосвященный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский // Енисейские епархиальные ведомости. 1891. № 8/9. С. 121–128.

1.1.13. Преосвященный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский // Енисейские епархиальные ведомости. 1912. № 7. С. 27–34.

1.1.14. Преосвященный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский // Енисейские епархиальные ведомости. 1912. № 8. С. 36–40.

1.1.15. Преосвященный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский // Енисейские епархиальные ведомости. 1912. № 23. С. 14–20.

1.1.16. Преосвященный Никодим, первый епископ Енисейский и Красноярский // Енисейские епархиальные ведомости. 1913 № 5. С.13–19.

1.2 Мемуары

1.2.1. Дневники 1861 г. / Никодим. – Красноярск: Культурно-исторический музей «Некрополь», 1997. 32 с.

1.2.2. Из записок Преосвященного Никодима, епископа Енисейского и Красноярского: [мое первое житие и инспекторство в Тульской семинарии. 1830 с 12-го сентября по 15-е мая 1832 года] / с предисл. Ан. Титова. Тула: Тип. Е.И. Дружининой, 1911. 37 с.

2. Неопубликованные источники

2.1. Архивные материалы

2.2.1. Государственный архив Красноярского края Ф. 561 «Никодим – первый епископ Енисейский и Красноярский» Оп. 1. Дд. 148, 149, 151, 152, 155, 161, 162, 164, 167 .

Литература

1. Ансимова И.М. Жизнь главного проспекта Красноярска / Инна Ансимова. Красноярск: Офсет, 2015. 221с.

2. Ансимова И.М. Храмы Красноярска / Инна Ансимова. Красноярск: Офсет, 2015. 127 с.

3. Антипов М.А. Новые источники по истории российской иерархии XIX в. (по материалам архивов) // Вторые Дмитриевские чтения. Материалы научной конференции 9-10 ноября 1996 года. СПб., 1997, С. 93-105.

4. Антипов М. А. Предыстория создания Енисейской епархии и начало ее деятельности (по дневникам и письмам Преосвященного Никодима (Казанцева)// Православие, Россия: размышление о прошлом, взгляд в будущее: материалы научной конференции с международным участием, Красноярск, 12- 14 октября 2011 г./ Краснояр. го. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск: Восточная Сибирь, 2012. С. 14-22.

5. Коняев Н.М. Святые Земли Русской: от княгини Ольги до Иоанна Кронштадтского / Н.М. Коняев. – Москва: Вече, 2017. – 606 с.

6. Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861 – 2011 гг. Красноярск: ООО «Издательский дом «Восточная Сибирь», 2011. 480 с.

7. Малашин Г.В. Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861 – 2011 гг.: историко-публицистические очерки / Геннадий Малашин. – Красноярск: Восточная Сибирь, 2011. 474 с.

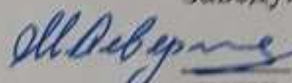
8. Никодим (Казанцев, Никита Иванович; 1803-1874). Жизнь архимандрита Никодима Казанцев. Сергиев Посад: тип Св.-Тр. Сергиевой лавры, 1910.128 с.
9. Петренко Л.Т. Красноярская мадонна / Л. Т. Петренко. Красноярск: Тренд, 2012. 462 с.
10. Сибирские владыки / ред. С. Щеглов. Красноярск: Красноярское Воскресение, Кн. 1: Начало. 2005. 139 с.
- 11 Сибирские владыки / ред. С. Щеглов. – Красноярск: Красноярское Воскресение, Кн. 2: Испытание. 2006. 139 с.
12. XII Красноярские краевые образовательные Рождественские чтения. Красноярск: ООО «Издательский дом «Восточная Сибирь», 2012. 224 с.
13. Шушканова Е.А. Архиерейский дом Красноярска: вехи истории (XIX – начало XXI веков): монография / Е. А. Шушканова: СибГУ им. М. Ф. Решетнева. Красноярск, 2017. 368 с.

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Гуманитарный институт
Кафедра истории России

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

подпись М. Д. Северьянов

«18» июня 2018 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

46.03.01 – История

Никодим (Казанцев) – первый епископ Енисейский и Красноярский

Руководитель
подпись, дата 18.06.18 К. и. н., доцент

М.Г. Тарасов

Выпускник

подпись, дата 18.06.18

А.Д. Юрьева

Красноярск 2018